

IV. Становье

На знакомство со становьем Рыжий потратил пять минут. Мог бы уложиться в минуту. Обошел поляну, вглядываясь в чащу, но не заметил ни признаков жилья, ни протоптанных вглубь тропинок; похоже, его лачужка была здесь единственной. В самом деле, зачем им жилье?

Постоял у кострища в центре поляны. Ни вбитых в землю рогулек, ни запаса хвороста вблизи. Глядя на слежавшуюся золу, куда кто-то надел лапник, оставшийся от его подстилки, Рыжий подумал, что и огонь здесь разводят нечасто. Зачем им огонь?

Поодаль в овражке пробивался родник, никак не оборудованный, лишь над прозрачной лужицей висел на кусте грубый березовый ковш, похожий на половник, сухой и в трещинах.

Рыжий зачерпнул, отпил, словно из неловкой шершавой ладони. Вода была нежной. Но всего лишь ласкала вкус, пить, собственно, не хотелось.

Кольнуло беспокойство: мало того, что он не чувствует голода, теперь и воды ему не надо. И эта необычная легкость в теле... Подумалось: этот мир искушает его, заманивает дарами, которых он не искал.

Рывком, с места, выпрыгнул из овражка и спохватился: лодыжка... Но болело несильно, словно не от резкого движения. Лодыжка вообще вела себя странно: боль то проходила без следа, и он забывал про нее, то вдруг возвращалась, вполне терпимая, впрочем, – словно напоминала о чем-то.

Вот и пусть болит, подумал Рыжий с неожиданной злостью. Хотя в чем-то не властен над ним этот мир, остался еще очажок сопротивления. Очажок боли.

Но боль уже прошла. Он прошелся, нарочно ступая потяжелее на правую ногу, притопнул – так, ныло чуть-чуть...

– Пинь-пинь-пинь! – засвистала синица, кажется, прямо над ухом.

Рыжий завертел головой и увидел приземистого мужичка лет сорока, лысого, с редкой бороденкой. Тот был в ветхой рабочей спецовке без верхних пуговиц, в прорехах хэбэшки проглядывала кожа. Блеклые серые глазки смотрели доброжелательно.

– Это ты свистел? – спросил Рыжий, недовольный, что оказался объектом наблюдения.

– Фьюить-фьюить, пинь! – изогнулись губы мужичка.

Где-то в лесу отозвалась синица, настоящая.

– Развлекаешься? А по-человечьи можешь?

– Могу.

– Так ты Синец? – сообразил вдруг Рыжий, смутился: – Так это... спасибо тебе. Что лечил, траву прикладывал... Здорово полегчало. Ты врач? В меде учился?

– Не, куда мне.

– Ну, все равно – травы знаешь...

– Чего их знать, растут себе и растут. Пошел да сорвал.

Скромничает, что ли, подумал Рыжий. Или дурачится? Глаза у Синца были с каким-то тусклым оловянным отливом, в них светилась наивность, граничащая со слабоумием.

– Ну, надо ж знать, какую...

– Какую рука возьмет, та и нужна.

– Наугад, что ли?

– Зачем наугад? Я же говорю, какую надо, ту и возьмет.

– Это талант у тебя такой? И всегда помогает?

– Когда надо помогает. Да здесь редко надо. Илию вот лечил, да вот вас с Лучезаром теперь. А больше тут и некого..

– Тут? А там – тоже помогало?

– Помогло как-то, а то не стоял бы тут перед тобой. Раз ночью на стройке арматурой башку пробили – там бы и помер.

– Что ты там делал-то ночью?

– Да думал кабель пошарить, инструмент, может, какой, еще чего полезного.

– И кто ж тебя?

– А кто их знает? Может, такие же добытчики. Может, за сторожа приняли, в темноте-то. Да какая разница, в первый раз, что ли. У нас на поселке так: сегодня – ты, завтра – тебя. Не мне – так я бы им башки расколотил. Тут уж кто первый. Зря, конечно, один пошел, да пьяный еще.

Синец смотрел по-прежнему бесхитростно, от оловянных бликов в его глазах пробирал холодок.

– Ну и как же ты? – спросил Рыжий, стараясь не глядеть на бугристый шрам на его голове.

– Да ничего. Утром наткнулись на меня уже у гаражей – полз, значит. Сперва думали, жмур, – башка в крови, не шевелится. И в руке пучок травы стиснут, видно, пока мог, рану им зажимал. В больнице потом сказали: паслен это, кровь останавливает. А так бы помер – без крови-то. Я и не знал ни про какой такой паслен. А вот нашла его рука – значит, так надо было. Не мог я там помереть.

– На пустыре этом?

– Ни на пустыре, ни в кочегарке, ни в квартире своей. Вообще там.

– Путь? – кивнул Рыжий. Он уже привык, что рано или поздно все разговоры сводятся к этому. – Ты уже... чувствовал? Искал его?

– Откуда? Нет, про него я только тут услышал. А там один путь – в магазин. Из кочегарки (я в угольной котельной работал) – в магазин, из дому – в магазин. С Прачки – это пруд у нас на окраине, там вроде клуба, народ собирается в картишки сыграть, о жизни потрепаться, ну и выпить, конечно, – тоже в магазин. Было б на что. А мне с пробитой башкой инвалидность дали, можно не работать. Да еще повезло – в квартире по стене трещина пошла; я заявку на ремонт написал, да с нашего жэка какой ремонт! А зять, он вахтером в суде, порадовал: тебе, говорит, счастье привалило – не плати теперь за квартиру, и ничего они тебе не сделают. Только копию заявления зарегистрированную береги. Я и не платил. Жить можно было. Только скучно. Сын сидит, с женой разбежались давно. Только я да пудель приبلудный. Умный был песик, да я его пристрелил... жалко.

– За что это?

– Да по пьянке учил его через палку прыгать, он и огрызнулся со страху, руку поцарапал. Кончил его из ружья – от отца еще осталось. Совсем скучно стало. Надумали с братом с бизнесом заняться, пошинковать. Взяли два ящика самогона, цинканули по округе. Две бутылки продали, остальное – сами, сколько смогли. Что не успели, участковый забрал: у меня, говорит, на участке таких шинкарей – вас еще не хватало...

Скучно. В кочегарку свою вернулся, у нас на поселке при гостинице; сутки через двое, все же занятие. Там опять собачонка прикормил – несерьезный, мелкий был, неловкий, как щенок, но забавный такой, шерсть кудлатая, дыбом, как у негра, я этих пород не знаю. Так-то их шугали, вон их сколько мотается, всех не накормишь. И Щена я домой не брал, еще пристрелишь опять, ну его. Он меня у котельной встречал и сутки со мной дежурил. Раз на смене топку почистил, уголь закинул, выпил, задремал. Просыпаюсь – крик, лай!.. Замдиректора – здоровая тетка, Антоновна по отчеству, Тонной и звали, – явилась проверять. Вот надсаживается: мол, дрыхнешь тут, залил zenки, а в кранах вечно вода холодная, в ресторане на кухне посуду нечем мыть, каждый день тут пьянка у вас. На столике полседелки лежало на газетке и в бутылке еще оставалось – все на пол посшибала, ножищами расшвыряла, орет, Щен лает. Я смотрю на нее, улыбаюсь. Я когда злюсь, всегда улыбаюсь почему-то. – Еще лыбишься! Тонна совсем остервенела, – уволю к хренам, башка дырявая! – А хрен с тобой, увольняй, говорю, вот напугала. Только за бутылку сперва заплатишь. Она глаза выпучила, морда красная, как помидорина, – вот-вот лопнет. Тут еще Щен подтявкнул, вокруг нее семенит, скалится. – И ты туда же, пакость мелкая, развели антисанитарию! И хватъ его за шкуру. Убью! сожгу тварюгу лишайную! Щен визжит, она к топке и дверцу открывать. Я ей в кудряшки вцепился, уже не соображаю от злости, мне бы ее от котла оттащить, а я зачем-то вниз гну. Она об ручку обожглась, заверещала, но дверца уже открылась. Из топки полыхнуло, кудряшки вспыхнули, мне руку прижгло, а ей – прямо в лицо. Рванулась, столик свалила да об тачку – стояла там железная, под уголь, – она через нее. Поднялась – и об стену, об трубу с манометром, да об другую стену. Воеет, ломится сослепу – смотреть-то нечем.

– Как? – поразился Рыжий. – Совсем глаза выжгло?

– Не знаю, может, только веки прижарило, может, и совсем.

Синец вздохнул, словно смущаясь таких подробностей.

– Не разглядел в смысле?

– Разглядеть-то разглядел. Только не помню.

Опять этот бесхитростный взгляд с пугающим оловянным отливом.

– Стресс, наверно, – подсказал Рыжий, чтобы нарушить молчание. – Тяжело вспоминать, мозг и защищается...

– При чем тут мозг? Ни к чему, вот и не помню.

– Ты сам решаешь, что надо помнить, а что забыть?

– Ничего я не решаю, само так.

– Но ведь что-то же помнишь, мне вот рассказал...

– Что вспомнил, то и рассказал. А чего не помню – значит, не надо.

Зачем все-то помнить? И так знаю, что тот мир – дерьмо сплошное.

– Что, весь мир так прямо и дерьмо? – Лучше бы не спорить, за-
поздало подумал Рыжий, у этого – точно с что-то головой. Но задели
слова о том мире, где стонали, болели оторванные корешки. – Ведь и
ты оттуда.

– Оттуда, – кивнул Синец. – Только тут из дерьма и вынырнул, едва
отмылся, чего ж опять в нем ковыряться, вспоминать? Я бы все забыл,
напрочь, да, видно, нельзя.

– Но ведь было же там что-то хорошее? Близкий кто-то?

– Пес разве, так пристрелил я его.

– А как сюда-то попал, помнишь?

– Ушел оттуда.

– Прямо из кочегарки? Страшно стало, сбежать хотел?

– От тюрьмы-то? Чего ее бояться – ну посидел бы. Радости мало, ко-
нечно, так не первый, не последний. Бегать уж больно хлопотно, проще
отсидеть. Да я об этом не думал, не до того. Тошно мне вдруг стало, так
тошно – мочи нет. Тонна уже снаружи где-то воеет, а я за трубу схватил-
ся, мотает, крючит меня, блюю – а не блюется, только вонь изнутри
прет, будто перебродившую парашу проглотил. Давлюсь, давлюсь – все
без толку, а остановиться не могу. И уже кажется, все вокруг вонь и
дерьмо, и я в этой жизни, как в сортире, тону, так ее наглотался, что
и от себя тошно. Себя-то не выблюешь. Оторвался кое-как от трубы и
пошел.

– И скорую не вызвал?

– Я же говорю, тошно было. Иду, давлюсь на ходу, то на забор наты-
каюсь, то на кусты какие-то. В глазах темень – или ночь уже? Где бреду,
не соображаю, вроде лесок... за деревьями вода отблеснула, – пруд, что
ли, обошел? В брюхе бурлит, возится, будто клубок змеиный, то и дело
выворачивает меня, а вывернуть не может. Другой раз так скрючит –
с ног валишься; и остановиться нельзя, на карачках ползешь, пока не
встанешь; пока идешь, полегче вроде. Под конец всякое понятие поте-
рял – ползу ли, иду... не остановиться б только.

– Сколько ж ты шел?

– Кто его знает. Вроде все ночь была... Пока не очнулся.

– Здесь, в станowie?

– Неподалеку. Вдруг светло стало, или глаза открыл... Гляжу, день
уже вовсю, сверху солнышко с листвой играет, и вокруг березки – сия-
ние сплошное. Я стою, за березку держусь, и дрожь в руках утихает...
вот совсем прошла. И не тошнит. И вонь изнутри не прет, хотя в но-
здрях еще застряло малость, ни вкуса поганого во рту – только слюна,

сладкая, как березовый сок. Смотрю, место вроде знакомое, а вспомнить не могу. Тут синица как зазвенит – весело, радостно, будто здороваётся. Я головой кручу, никак не угляжу – в глазах от солнышка рябит, листва плещется. И хорошо мне от солнышка, от ветерка, от голоса птичьего. А подпою, что ли. Когда я последний-то раз по-синичьи свистел – мальчишкой еще. А как получится. Свищу, она отвечает. Я опять – а она тут как тут, рядом уже. Заругалась, застрекотала, что обманули ее, упорхнула.

А я место узнал, синица подсказала. Как же – я же мальчишкой сюда ходил птиц ловить. Точно – вон та береза раздвоенная; я в развилку западок ставил, сам вон за теми кустами хоронился. Только когда это было. Рощу давно спилили на дрова, там теперь поселок для ВИПов – забор, охрана на въезде. Нету уже той рощи. Там нету. А тут есть. Тогда и дошло: значит, и меня там больше нет. Убыл.

– Может, просто похожее место оказалось?

– Да не в месте дело, во мне. Главное, что я ощутил – нет меня прошлого, другой я тут. Будто и не глотал всю жизнь, не давился дерьмом. И так мне славно, так легко, что не верится: куда ж оно делось-то? Глаза опустил: а вон же, то-то запашок чудился, вон оно, в траве, под ногами, – выблевал все же...

– Что выблевал? – внутренне содрогаясь, промямлил Рыжий. – Ведь не дерьмо же... не буквально?..

– А не помню. Не залюбуешься, надо быть... Дерну надрал, веток накидал, чтоб не видеть. Земля управит. Так вот и пришел... – Синец прервался и стал оглядываться по сторонам, будто пытается вспомнить, зачем здесь оказался.

– А дальше что? Людей пошел искать?

– Зачем мне люди? Жить пошел. – Он двинулся в сторону, приглядываясь под ноги, будто что-то обронил в траве. – А люди... – продолжал бормотать, – что – люди?.. Птички вот – люблю с ними... посвистеть можно... покормить... А и люди – ничего, пусть... Нужны ж зачем-то... все нужны...

– И рейдеры тоже нужны? – зацепился Рыжий.

– Все нужны, раз уж есть... Мы – им, они – нам.

– Мы им – понятно. Они-то нам зачем?

– Для бодрости, может. Вот ты же взбодрился.

– Это там, на вырубке? Шутка такая? – надулся Рыжий. – А вы тут – трупы на опоры вешаете – тоже для бодрости? Или птичек покормить? А погоди-ка... – закралась догадка. – Так это ты придумал – про опоры?

– А я не думаю. Я слушаю только.

Рыжий вдруг физически ощутил на себе бесхитростный оловянный взгляд, хотя Синец на него не смотрел.

– Что слушаешь?

– Всё. Тебя вот.

Синец присел, пошарил рукой в траве. Прислушался и аккуратно, с корешками, вытянул какой-то стебелек. Поодаль – другой. Постепенно набрался пучок из разных травок; названий Рыжий не знал.

– Лечебный сбор? – спросил он. – От чего помогает?

Синец с некоторым недоумением осмотрел свою добычу.

– От чего?.. Видно будет.

– Как это? Универсальный, что ли... широкого спектра?

Синец не ответил, опять оглядывался по сторонам, будто искал подсказки.

– Ага... – Двинулся вдоль ложбинки, Рыжий последовал за ним.

Под матерой, свесившей космы до самой земли березой маячил в бурьяне длинный белесый валун, похожий на выпирающую из воды тюленью спину. Верхняя часть валуна была гладкой и почти светилась на солнце. Синец положил свои травки на камень, разворочил.

Он выглядел довольным собой, и Рыжий спросил:

– Впрок заготавливаешь? А вдруг дождик пойдет? Или ветром раздует?

– Дождик так дождик – значит, на пользу ей. А ветер – не, не раздует. Не зря же я ее брал – сама позвала. Дождется.

– Чего дождется?

– Пока понадобится.

«Дождется», «понадобится»... Рыжий ощутил смутное беспокойство.

– А ты уже знаешь – когда понадобится? Что случится, с кем?

– Да зачем мне знать? Что надо – само случится. Мое дело слушать.

– Что слушать?

– Да все. Вот травка позвала – собрал. Камень на солнышке мигнул – я ее на камень. Чего мне еще знать-то? Все – оно и есть все, само все знает. Что нужно, скажет – только слушай да делай.

– А если не услышишь?

– Так я тоже это всё, – удивился Синец. – Как же мне не слышать?

Он широко развел руки, словно предъявляя Рыжему весь окружающий мир в качестве доказательства:

– Я во всем, всё – во мне.

– Что-то больно просто, – проворчал Рыжий. – Только слушай это твоё *всё* да живи по подсказке, и думать не надо.

– Как же без подсказки? Вот ты все думаешь, мозгуешь что-то – у своей головы, у себя самого подсказки спрашиваешь. Выходит – ты для себя *всё*. Только узенькое твоё *всё*, махонькое больно, оттого и подсказки его глупенькие. И жить по ним нерадостно – что ни шаг, то в сторону, а то и вовсе боком выходит. Да нет у тебя других-то подсказчиков... Выпал ты из *всего*, вот и не слышишь. А возвращаться боязно.

– Ишь как выстроил, – нахохлился Рыжий, – боязно, не боязно... Только не выпадал я ниоткуда. Не было такого.

– Все выпадали.

– Не помню, – уперся Рыжий. – Если только в прошлой жизни... – съязвил со смешком. Но смешок прозвучал растерянно, повис на губах: вспомнился гул и ветер, и полет во тьме, и то ощущение, что это уже было когда-то, еще до него... до его жизни?

Он смешался и умолк. Будто наткнулся на что-то холодное и отдернул руку.

Синец смотрел своим терпеливым, бесхитростным взглядом, ожидая вопросов. Но Рыжий уже тяготился разговором, соображал, как поделикатнее расстаться.

Синец зевнул, потянулся:

– Подремать, что ли...

Он улегся в бурьян, поерзал спиной по-собачьи, уминая стебли, и вытянулся вдоль валуна, привалившись к каменному боку.

– Вредно же на земле, – не утерпел Рыжий. – Застудиться можно.

– Чего это? Место доброе, крепкое... люблю тут. Ложись-ка за компанию.

– Спасибо, не хочется. Прогуляюсь лучше, ногу вот поразминаю...

– Ну, ну. Только не пройдет нога.

– Почему? Полегчало же – вот, хожу.

– Полегчать-то полегчало, а совсем не пройдет. Эта хворь не здешняя, здесь не лечится. Так и будет точить.

– Как понять «не здешняя»?

– Так и понять. Откуда ты взялся, оттуда и хворь.

– Из того мира, что ли? Да нет, это я из электрички прыгнул – связку и потянул. Здесь уже.

– Так прыгнул, значит.

– Хочешь сказать, я в момент прыжка связку потянул? Когда еще там был? – Рыжий подумал. – Ну, может, и так – оттолкнулся неудачно... Да какая разница? Сам-то я тут, и хворь моя тоже.

– Ты и сейчас еще там. Одной ногой прыгнул, а другой там увяз. – Синец сладко прижмурился, предвкушая приятные сны,

– Да вот же нога-то, вот она! – Рыжий притопнул, злясь уже и на Синца с его головоломками, и на себя со своими вопросами. Лодыжка откликнулась, у него перехватило дыхание.

– А сам-то ты где?.. – невнятно пробормотал Синец, засыпая. – Решать как-то...

Рыжий шатнулся к валуну, привалился задом, пережидая боль.

Синец спал.

Боль в лодыжке утихла, но Рыжий оставался сидеть. Камень был теплым и дарил ощущение надежности.

Но дело было не в ноге и не камне. Дело было в словах, слетевших с сонных губ Синца.

Синец спал на спине, ветерок колыхал над ним березовые пряди. Солнечные пятна бродили по его лицу, и в закрытых глазах по-прежнему мерещились оловянные блики, словно от подложенной под веки фольги.

Полоумный целитель, не знающий названий трав.

Социопат с пробитой башкой.

Юродивый, слышащий *всё*.

Интересно, подумал Рыжий, он и во сне слышит это свое *всё*? И меня тоже?

И тебя, конечно, ответил бы Синец. Или ответил?

Чушь, оборвал себя Рыжий, это ты сам себя накручиваешь, додумываешь за него. Не может он слышать мои мысли.

Могу, ответил бы Синец. Ты для меня такое же *всё*. А я для тебя нет. И ты меня не слышишь.

А вот ты и попался, уличил Рыжий. Раз не слышу, то и диалога быть не может. Я сам его выдумал. И не лезь, и без тебя в мыслях путаница.

И вообще, пора вставать, сказал себе Рыжий, чего он тут ждет.

Но оставался сидеть.

Временами чудились какие-то шорохи в лесу, невнятные звуки – то ли голоса незнакомых ему птиц, то ли искаженная расстоянием и дыханием чащи человеческая речь. Возможно, неподалеку бродят другие обитатели становья... Рыжий не был уверен, что хочет встречаться с ними сейчас. Каждое новое знакомство приносило больше вопросов, чем ответов.

Что надо – само случится – так сказал Синец? Ну-ну...

Продолжал вслушиваться.

За трепетом листвы, совсем рядом, почудилось какое-то движение... приближение?

Он затаил дыхание. Вспомнилась мучительная гримаса Лучезара, когда тот слушал...

рейдеры

Рыжий мгновенно вспотел. Вскочил с камня, закрутил головой – бежать, затаиться?..

– Что вы, что вы, сидите, не затрудняйтесь! – приковал его к месту журчащий голосок. – Излишняя галантность в наших обстоятельствах.

Женщина стояла в тени, на опушке, и, шурясь от солнца, Рыжий не сразу разглядел ее силуэт, постепенно проступавший на фоне леса. На ней был просвечивающий балахончик, едва достающий до бедер, под которым угадывалась какая-то тряпичная мелочь. Рыжий сообразил, что это купальное платье.

– Не хотела вас беспокоить, но... – задумчиво улыбаясь, она двинулась в его сторону, утопая в траве обтрепанными пляжными босоножками.

– Никакого беспокойства... Напротив... – пробормотал Рыжий. К нему и в прошлом мире нечасто обращались на «вы». – Гуляете?

– Гуляю? – кажется, ее удивило это слово.

Теперь он видел, что женщина не так молода, как показалось поначалу, и ее улыбка адресована не ему. Да и не улыбка это была, а застывшее отражение какого-то внутреннего усилия. И шла она вовсе не к нему, а мимо, по каким-то своим делам.

– В смысле... далеко собрались?

– К воде. – Она задержалась, принимая разговор. – Я каждый день иду к воде.

Ее взгляд временами прорывался сквозь пелену светской доброжелательности – застывшей душевной судорогой, зажатой в кулак тоской.

– На пляж? – Рыжий старался не пялиться на ее одеяние.

– Пляжи мне ни к чему. Мне нужна глубина.

– Тут где-то близко река, озеро?

– Есть река, но она не годится.

– Мелковата? – кивнул Рыжий.

– Нет, вполне глубокая, с омутами. Но по ней я уже плыла – прежде чем оказаться здесь.

– Так вы просто переплыли реку и...

Он не договорил, но она поняла его.

– Вам это вряд ли подойдет. И я не входила реку, я из нее вышла.

А входила я в озеро.

– Озеро?

– Светлояр, слышали, наверное?

– Это где град Китеж затонул? Там еще на Ивана Купалу через костер прыгают, голыми купаются... – Рыжий смешался под ее взглядом, – ...и всякое такое.

– Бесов тешат? – Женщина улыбнулась улыбкой старшей сестры.

– Ну, это язычники типа... А верующие вокруг озера на коленках ползают и грехи в нем смывают. Там еще колокола звонят под водой – ну, смысле... некоторые слышат.

– Я слышала. Правда, не столько колокола...

– А что же?

– Сначала в ушах позванивало – как бывает под водой, на глубине. Пожалуй, можно принять и за колокола... Но потом – чем глубже, тем яснее – нет, не колокола. Это вообще не звук – в буквальном смысле. Ты его слышишь, но не ушами. Он звучит только в тебе – и еще в том

месте, где возник. Он как бы разорван надвое, вроде обрывков струны, которые тянутся друг к другу. И ты – один обрывок – стремишься навстречу другому – дальше, вглубь, глубже самого дна...

– Глубже дна? – эхом повторил Рыжий.

– В том-то все и дело... Надо уйти как можно глубже, пока еще удастся удержать в легких перегоревший воздух и не вдохнуть воду, пока руки и ноги подчиняются командам мозга. Пока тело не взбунтовалось, не рванулось назад, на поверхность – дышать, жить...

– Так вы хотели... утонуть?

– Утопиться? Нет, такой целью я не задавалась, хотя... – женщина пожала плечами. – Я шла на зов.

– Пути?

– Нет, человека. А вам уже заморочили голову? – улыбнулась она своей мучительной улыбкой. – Впрочем, не подумайте, не имею ничего против этих... воззрений. Но, боюсь, для меня они слишком сложны. Путь, бремя выбора, ответственность за каждый свой шаг... Должно быть, я по-женски легкомысленна и эмоциональна и чрезмерно полагаюсь на свой внутренний компас. Но он указывает мне цель – я иду к ней, и мне этого довольно.

– Так вас позвал человек? Со дна озера?

– Хотите спросить – жив ли он? Я видела тело при опознании.

– Простите...

– Ничего. Хотя в тот момент действительно... Эта сморщенная, готовая отслоиться кожа... Не знаю, как я смогла... Но теперь-то я знаю, что это случилось там. Слава богу, тот мир не единственный.

– Тот человек утонул? На Светлояре?

– На Светлоярском озере не тонут, во всяком случае, так говорят. Нет, он утонул в океане на подводной охоте. Это случилось далеко, на островах, ранним утром, когда я еще спала в отеле. Что-то с редуктором – скачок давления, баротравма легких. Он стал задыхаться, сбрасывать баллоны, но грузы не дали ему всплыть.

– И теперь он зовет вас? Но почему – Светлояр?

– Не знаю, может быть, потому что оно святое. Впрочем, он не сразу позвал меня туда. Нет, даже не так – я не сразу поняла, откуда зов. Поначалу он был смутным, неопределенным... И это было связано с водой.

Я лежала в ванне, одна в пустой квартире, одна в мире. Я и хотела быть одна. Нет, я не пряталась от людей, выходила по необходимости, просто теперь никто мне не был нужен. И вдруг попробовала не дышать. Погрузилась с головой в воду и терпела, сколько смогла. Наверное, не слишком долго, я никогда не увлекалась нырянием. Не дышать казалось уже невозможно, но я уперлась в стенки ванны и твердила себе: еще секунду, еще полсекунды... Не знаю, зачем я это делала – возможно, хотела испытать то, что испытал он. Допустим, что так... Терпела, терпела... Тело рванулось из воды, и, уже вцепившись в бортик ванны, хрипя и откашливаясь, я поняла, что в последний момент меня коснулось какое-то необычное ощущение... и ускользнуло. Я не успела пережить его до конца – словно что-то упустила, что-то важное. Как если бы вправду нырнула на глубину, и на дне отблеснуло, какая-то драгоценность... и не успела схватить, не хватило дыхания.

Отдышавшись, я повторила попытку. Она получилась еще более мучительной: на этот раз дыхание кончилось раньше, легкие пылали

и рвались из грудной клетки, тело сотрясали судороги, перед глазами разлилась чернота. Я поняла, что близка к обмороку и сейчас утону в своей ванне. Я пережила настоящий ужас – никогда такого не испытывала. Это был животный, телесный ужас, но именно сквозь него и пробилось это ощущение. Оно было как укол света, пролившегося через щель в темном занавесе, – острый, слепящий. Я поняла, что перетерпи я еще чуть-чуть – и смогу не дышать. Это будет легко и совсем не страшно. Как легко и не страшно ему. Надо только перебороть тело, его дремучий инстинкт, толкающий меня из воды наверх, к воздуху. А мне надо наоборот – вниз, в глубину, как можно глубже. Из последних сил, борясь с судорогами, с растворяющей меня чернотой, я попыталась – и уперлась в дно ванны...

На этот раз я все же хлебнула воды. Но, свесившись через бортик, даваясь кашлем и рвотой, я осознала, что я уже не та. Да, я все еще одна – но это не окончательно. Мне есть к кому идти, надо лишь найти дорогу – туда, в глубину.

Разумеется, искать я начала оттуда, где я его потеряла. В моем новом положении я оказалась крайне ограничена в финансах, поездка на острова вовсе их подорвала. И не оправдала ожиданий: там я ничего не услышала. Дальнейшие поиски пришлось ограничить местностью проживания; слава богу, наступило лето, и мало ли в наших краях рек и озер. Не стану утомлять вас перечислением водоемов и описанием погружений. Скажу лишь, что они также не принесли результата. То ощущение не повторялось, я ни разу не услышала зова и не испытала ничего, кроме ужаса. Он был непреодолим и как пробку выталкивал меня на поверхность. Не скажу, что это воодушевляло, накатывали приступы сомнений, я спасалась от них в ванне, повторяя свой первый опыт с задержкой дыхания. Там ощущение приходило безотказно, и с каждым разом становилось все острее, доводя меня до иступления, я билась о дно ванны до синяков... хотя что там могло быть, кроме сливных труб? Я жила с навязчивой мыслью, что теряю время, делаю что-то не то, не так... или схожу с ума.

Про Светлояр я подумала, услышав случайно из новостей о предстоящей ночи на Ивана Купалу. Меня как током ударило: древнее празднество – можно ли выбрать момент символичнее для попытки соединиться с любимым? И место... Странно, что я не подумала об этом озере раньше, – возможно, потому что предпочитала для своих погружений безлюдные места, а может, потому что его еще называют Святым, а мои устремления... Не то чтобы я искала смерти, но она ведь и не исключалась и со стороны могла выглядеть самоубийством. Я не слишком религиозна, но какие-то запреты закладываются в нас еще до рождения, на уровне инстинкта, их не так просто перешагнуть.

И теперь я попробовала молиться, объяснить Господу, что я не бегу от жизни, от его дара, – я лишь хочу разделить его с человеком, без которого этот дар мне не нужен... и ощутила себя жалкой пенсионеркой, заискивающей перед торговкой на базаре. Мне стало противно своей фальши, своего лукавства. Господи, прости, повторяла я раз за разом, мне ничего не надо – просто прости... Мне действительно впервые было так стыдно.

Я приехала на Светлояр к полуночи. Стоянка была забита машинами, я оставила свою на обочине и пошла к озеру. Я нарочно надела длинный сарафан, чтобы не выделяться, под него – купальное платье – да, вот это самое. Мне казалось, что если что-то такое случится – ну,

вы понимаете... Плавать в сарафане неудобно, а мне все же хотелось бы, чтобы на моем теле, если все же его найдут, оказалось чуть больше материи, чем просто купальник.

Было почти совсем темно, в воздухе плыл тихий колокольный перезвон. Он отозвался у меня в сердце; я вдруг поверила, что приехала не зря. Крестный ход уже начался, и небольшое, полукилометровое озеро опоясывал медленно струящийся ручеек огоньков; я встроилась в общее шествие. Почти все шли с зажженными свечами в руках, многие женщины и девушки были в венках из полевых цветов. Я не озаботилась заранее ни тем ни другим и, наверное, выделялась среди остальных, но никто не проявил ко мне заметного интереса. Шествие совершалось в молчании. Время от времени несколько человек сходили с мощенной досками дорожки, огибающей озеро, к берегу, и девушки пускали по воде венки с горящими свечами. Выбрав момент, я тоже отделилась от безмолвной процессии и, пробравшись сквозь прибрежные кусты, вышла к озеру. Сняла сарафан, выждала, пока чередой огня за кустами станет пореже, тихо вошла в воду. Босоножки я сбросила уже в воде, чтобы не наступить на что-нибудь неприятное, и поплыла, стремясь удалиться как можно дальше от берега.

Я выплыла на середину и остановилась. Над озером по-прежнему звучал колокольный перезвон. Надо мной висели звезды. Вокруг по берегам текла вереница дрожащих огоньков, от нее отделялись все новые светящиеся точки венков и скользили по черной воде россыпью негаснущих искр. В этом мгновении чудилось нечто прощальное. Свет и тьма вели свою предвечную игру, смысл которой не разглядеть с земли. Но я, висятая между небом и бездной, была уже не на земле.

Я подумала, что могла бы сейчас помолиться. Просто так, искренне, в благодарность за эти неожиданно подаренные мне минуты хрупкой гармонии, за свое смирение и решимость. Да, решимость. И не стала ждать. Я набрала воздуха и нырнула.

Тьма сомкнулась надо мной, но я была готова к этому и сразу пошла вниз, на глубину. И услышала тот звук, тот самый, похожий на колокола... но я знала, что это не колокола, те звонили там, наверху, но здесь звучали не они. Это был зов. Меня обдало холодом. Я знала, что озеро подпитывается донными ключами, и все же перепад температуры был слишком резким. Чем глубже я уходила, тем враждебнее становился этот холод. Мелькнула обрывочная мысль о чанах с кипящей и ледяной водой из какой-то сказки, дарящих молодость... очевидно, по ассоциации с тем сказочным действием, еще длящимся на оставленной мною земле. Но холод убивал меня, сдавил череп стальным обручем, обгладывал руки и ноги, лишая их чувствительности, сердце готово было взорваться от напряжения. Мысли утратили связность, вся воля уходила на то, чтобы с каждым гребком опуститься как можно глубже в этот в холод и мрак. Я слышала зов, и только он имел значение. Но где-то на краю сознания пробивался страх, что у меня опять не получится, — ведь там, на поверхности, я хотела, могла помолиться и не сделала этого. И сейчас погибну из-за своей поспешности и гордыни, погибну, так и не соединив обрывки струны, не придя на зов. Я стала молиться. Под водой — можете себе представить? С готовыми лопнуть легкими, зная, что через секунду вдохну и захлебнусь... Но я молилась — без слов, всем своим существом, и при этом зарывалась все глубже в ледяную бездну. В какой-то момент показалось, что я заморожена в лед и мои онемевшие конечности скребут по нему, пытаюсь раздвинуть...

или это были судороги. Все ощущения померкли, я исчезла, единственное, что от меня осталось, – это молитва. Но она была уже не моя, я слышала ее как бы со стороны. И одновременно – ответ, отклик на нее. И зов – он тоже был. Всё слилось воедино, в один голос... Мы все... понимаете?

– Все... – эхом повторил Рыжий. Они помолчали, и он осторожно спросил: – Так кому вы молились? Богу или...

– ...Или человеку? – опять эта улыбка-усилие. – Не знаю. Я правда не знаю. Может, потому и попала сюда... Но это ведь не конец, верно?

Женщина запрокинула лицо к солнцу и зажмурилась, будто вслушиваясь. Ее тело просвечивало сквозь невесомую ткань, кулачки сжались.

– А что было потом?

Она вернулась к нему взглядом, покрасневшими глазами.

– А потом был свет – он упал сверху, и я вынырнула прямо на солнце. И вышла на берег реки. И увидела свои босоножки – да, вот эти самые. Они плавучие, и их прибило течением к зарослям осоки. Поискала вокруг сарафан, но его не было. Вода сохранила лишь то, в чем приняла меня, а сарафан я сняла на берегу, там он и остался. Я как-то сразу поняла это – про *здесь* и *там*. Там – меня больше нет. И его тоже нет. Так, может, *здесь* – то самое место, где мы есть оба? Я очень надеялась на это. Но ошиблась. Я поняла это, когда набрела на станowie и пожила тут.

– Почему вы так решили?

– Здесь все как-то не окончательно – вы не чувствуете? Все, как бы это сказать... ушли, но не пришли. Вроде бы куда-то стремятся, возможно даже, духовно растут – по крайней мере надеются... а на самом деле перебирают ногами на месте. И ждут. Как на промежуточной станции – придет нужный поезд и заберет.

– Куда? На следующую станцию? А потом – на следующую?

– Не знаю. Наверное, уйти – еще не означает, что непременно куда-то придешь. Или что тебе там понравится... Но мне не важно – куда, мне нужно – к нему.

– Но почему вы уверены, здесь его нет? Станowie – не весь этот мир.

– Я по-прежнему слышу зов. Значит, я нырнула недостаточно глубоко, и мне предстоит еще одна попытка. – Женщина пожала плечами. – Или не одна.

– Этот зов опять связан с водой?

– Пойдемте, я вам покажу.

Они пересекли поляну и спустились в овражек к роднику.

– Это здесь, – сказала она. – Боюсь показаться вам странной – хотя вряд ли это слово имеет смысл в нашей ситуации... Но я слышу.

– Отсюда? – поразился Рыжий. – Но тут...

– Мелковато, хотите сказать? Да, но это пока. Ложе родника растет. Еще месяц назад здесь было глубины на пол-ладони, а сейчас – видите? – Женщина наклонилась и погрузила кисть в прозрачную лужицу.

Поверхность воды поколебалась, и в ней отразилось ее лицо. Будто сотканное заново из дробящихся бликов, оно показалось Рыжему внешне молодым и прекрасным, слишком прекрасным для земной женщины. И непостижимо, пугающе далеким.

– Его хотели облагородить, сделать желоб, выложить дно камешками... Но я попросила оставить все как есть. Не мешать ему расти. А мне – ждать. Что еще остается?

Рыжий молчал, смотрел, не в силах сморгнуть щемящий морок.

Бесплодна и горька наука дальних странствий,
Сегодня, как вчера, до гробовой доски...

– произнесла женщина, не поднимая головы. – Помните эти строки?

...Все наше же лицо встречает нас в пространстве:
оазис ужаса в песчаности тоски...

Скажите, в моем лице есть что-то похожее на ужас? – Она подняла на него глаза, и Рыжий оторвал взгляд от воды.

– Что вы! – смутился. – Напротив!..

И подумал: видит ли она свое отражение таким же, как видел он?

– Вот и я не чувствую никакого ужаса. Возможно, я просто еще не дошла до него – настоящего. Либо – порой приходят такие мысли... – она пожала плечами

– Какие мысли?

– *До гробовой доски*, понимаете? Может, в этом все дело? – до, а не после... Что если ужас уже позади?

– Хотите сказать, что вы...

– Уже умерла? Может быть... Не знаю наверняка, но почему нет?

– Потому что вы тут, передо мной, живая!

– Да, как будто так. Но вдруг это не та, *не моя* жизнь? А моя настоящая, истинная жизнь осталась там? Что если я ошиблась, погналась за несбыточным, перешагнула – и вот ужас уже миновал, и остается одна тоска, понимаете? – сухая, зыбучая, как песок... Тут и ужас покажется оазисом – да только он уже позади, все позади... Я твержу себе, что подобные мысли – слабость, но они приходят. В такие минуты кажется: лучше бы остаться мертвой там, чем быть неживой здесь...

Она замолчала, ее губы стыли в мучительной полуулыбке.

– Вы очень его... любите? – беспомощно спросил Рыжий.

Она не ответила, словно ждала других слов. Словно он мог подсказать, мог знать.

– Вот ваш оазис, – он перевел взгляд на родник, и тот глянул в ответ темным слезным зрачком, в котором тонули солнечные лучи. – Он растет. Надо просто ждать.

– Ждать, – кивнула она.

– Вы еще нырнете. Глубже дна.

– Ждать... – повторила женщина. – А вы – тоже ждете?

– Я? – Вопрос застал его врасплох. – Да, наверное... Знать бы только, чего! – выпалил с внезапной горечью. – Все тут чего-то слышат – путь, зов. Один я ничего не слышу! Мне-то чего ждать? Поезда до следующей станции? Не хочу я на следующую – я назад хочу! Как мне туда попасть, кто мне скажет?

– Но почему вы не допускаете, что поезда могут ходить и в обратном направлении? Возможно, вы еще вернетесь на предыдущую.

– Когда, как?

– Этого я знать не могу. В конце концов, поезд – это поступок, действие. Ваше действие, Елисей.

Действие. Они все меня словно подталкивают на что-то, подумал Рыжий, – Илия, Синец, теперь вот эта... ныральщица.

– Как вас зовут, простите?

– Инна. Занятно, да? Тут в моде «говорящие» имена, многие нарочно выбирают что-нибудь этакое пафосное, а мне и выбирать не надо – куда

уж ближе к воде. Никогда этому значения не придавала, а тут поневоле задумаешься... ничего себе совпадение, да? И не знаешь, пугаться или радоваться. Может, и правда – путь?

Она присела у родника и стала выбирать листья и стебли со дна.

Разговор угас. Рыжий постоял в нерешительности и побрел через поляну назад.

Синца на месте не увидел: словно и не было его, и трава под валуном не примята.

Перед будкой его ждали трое, обернулись разом. Двое были в потрепанных костюмах, один из них пожилой, рослый с интеллигентной значительностью в лице, второй – помоложе, мелкий и сутулый, с цепкими глазками, застывшими в недоверчивом прищуре. Третий – лет сорока, в глухом комбинезоне, как у сантехников в рекламных роликах, только линялом и обшарпанном, кудлатые волосы припорошены древесной трухой.

Незнакомцы молчали, присматриваясь. Вход в лачужку был загорожен, Рыжий остановился – не заползать же между их ногами.

– Вы ко мне? – спросил, закипая.

– К тебе, Лис, – словно очнулся тот, что в комбинезоне.

– Тут такое дело... – он потянулся рукой к шее Рыжего, тот откатнулся. – Можешь показать?

– Чего еще? – Рыжий еще отодвинулся, невольно оглаживая воротник.

– Во-во, то самое. Ты не думай, мы не это... Ты верующий?

– Стоп, – вскинул руку рослый. – Коллега торопится. Предлагаю по порядку. Кстати, какое обращение предпочитаете? Елисей? Или подобрали уже что-то новенькое – в свете здешних веяний?

– Ничего я не подбирал, – буркнул Рыжий.

– Что ж, разумно. Насколько могу судить, свое значение – «богом спасаемый» – ваше имя оправдало неоднократно. Вряд ли стоит пренебрегать таким покровительством.

– А вы кто?

– Это Игнатий, – рослый кивнул на своего спутника в комбинезоне. – Сразу поясню: имя здешнее, по одной из версий означает «нерожденный». Довольно точно отвечает обстоятельствам... или его пониманию обстоятельств.

– Нерожденный – это в каком смысле?

– В метафорическом, – сказал второй, мелкий, молчавший до сих пор. Похоже, он шурился просто от близорукости. – Все мы тут метафоры.

– То есть – ненастоящие, что ли? – не понял Рыжий.

Мелкий лишь пожал плечами.

– Разумеется, – ответил за него рослый.

– Откуда вы знаете?

– Ниоткуда. Я здесь вообще ничего не знаю. Не ведаю. Позвольте представиться – Невем. – Рослый наклонил голову. Несмотря на затертый пиджак и брюки, забывшие о стрелках, он выглядел и говорил внушительно. – А это – Нем. Поэт.

– Нем – значит немой?

– В метафорическом смысле.

– Нем, Невем... Вы что, сговорились, что ли? Для смеха?

– Номинализация скорее – наиболее актуальных функций. Он – поэт, который теперь не поэт, онемел. Я – узнал, что ничего не знаю.

– Профессор он, – махнул рукой Игнатий. – Философию преподавал, чего только не знает... вот имя мне подсказал.

– А ты почему – «нерожденный»?

– Потому что не хочу. Родишься *здесь* – все равно что умер *там*. Я может, еще, выживу, vyroюсь...

– Чтобы выжить, – Невем воздел указательный палец, – выживальщику желательно не родиться. Чем не метафора?

– Так ты выживальщик? – заинтересовался Рыжий. – Откуда же ты хочешь вырваться? Что случилось-то?

– Завалило меня, под землей, – сказал Игнатий. – Когда ход рыл. Из погребка.

– Куда ход?

– На тот свет, – вставил Невем. – А попал на этот. Опять метафора. Но пусть уж по порядку. – Он взглянул на небо. – Время есть, присядем.

Все трое привычно расположились прямо на земле, Рыжий, помедлив, тоже.

– Короче... – Игнатий взерошил волосы, собираясь с мыслями. – Жил я себе жил, как все, пока не понял – вот-вот начнется. Кризис за кризисом, заварушки по всему глобусу... Рано или поздно кто-то кнопку нажмет, спастись надо, пока не поздно. А как спастись, где? Ясно, что не в городе. Городам первым и достанется. А кто и уцелеет – не позавидуешь: ни воды, ни еды, ни света, ни власти – все как домино посыпется. Радиация кругом, эпидемии да всеобщее озверение. Я радиоактивные трупы жрать не хочу и кормом быть не собираюсь. Выход один: подальше от города, от людей.

– Это как, в пещеру, что ли?

– В пещере сам озвереешь, а я хотел человеком остаться. Значит, и условия жизни надо сохранить человеческие, и обеспечить максимальную независимость от всех этих благ цивилизации, которой все равно не останется. Чем-то, конечно, придется поступиться, но не самым необходимым. Главное – полная автономия. Прикинул я и так и этак, литературу пошерстил... Если с умом взяться, задача решаемая.

Купил пустующий домик в деревне, дешевле только даром: деревенька почти вымершая, до трассы пятнадцать километров да по трассе до города без малого сотня. Как раз то, что надо: как из города голодные из города начнут по окрестностям шарить – сюда нескоро доберутся. Им далеко забираться не с руки будет, большинству-то надо за день-другой обернуться и хоть чем-то семью накормить. Бензин быстро кончится, а на велосипеде с голодухи много не накрутишь, еще и сам больше съешь, чем добудешь. А когда уже до массовой миграции дойдет – толпы беженцев с детишками да пожитками хлынут по основным магистралям. Они сами уязвимы для бандитов, не так опасны и от трассы далеко не пойдут, разве небольшими группками по два-три человека, а это уже не так страшно. Так что удаленность – пассивная защита. Опять же лес рядом...

Игнатий сел поудобнее. Он увлекался своим рассказом, тема доставляла ему удовольствие.

– ...а лес – это и с дровами проблемы не будет, и подкормка какая-никакая при случае. Экология там хорошая, ни заводов в округе, ни могильников химических, ничего такого. Нет, я все продумал... Короче, стал запасаться. Инструмент – только такой, чтобы годами служил и кроме рук ничего не требовал. Топор, ножи, лопаты, вилы... Никаких тебе газовых плит, электрочайников или там бензопилы – чтобы ни от

горючки, ни от запчастей не зависеть. Вода – из колодца: к скважине насос или помпа нужны, рано или поздно сломаются, а ведро на цепи – вечно. Кастрюли-сковородки – только из нержавейки. В общем, упор на вещи, которые не нуждаются ни в ремонте, ни в восполнении. Но и без расходных материалов тоже ведь совсем-то не обойдешься. Вот соль, например, – хочешь не хочешь, надо припасать, без нее никак не прожить, а взять будет негде. Или лекарства, или гвозди те же – куда без них в хозяйстве... да хоть веревки возьми. Ну, я посчитал и по списку – двести кило гвоздей разных, соли тонну...

– Тонну соли? – поразился Рыжий. – Это на сколько же лет?

– А ты чего хотел? Человеку в год пару кило – это по самому минимуму. А нас с женой двое, да дети пойдут, а там и внуки, глядишь, – о них же тоже думать надо. Так, что еще? Ага, лекарства. Йод, перекись, парацетамол, – начал загибать пальцы Игнатий, – марганцовка, спирт, само собой, антибиотики широкого спектра... И про хирургию забыть нельзя – вдруг там рану зашить или пулю извлечь. Значит, скальпель со сменными лезвиями, зажимы, иглы шовные. А зубы заболят? Не плоскогубцами же рвать – специальные щипцы нужны.

– А ты и зубы рвать умеешь?

– Я книжки медицинские припас. Заболит, и не захочешь – научишься.

– Давай к сути, – вздохнул профессор. Он лег на спину и, заложив руки под голову, глядел в небо. Ясно было, что они с Немом слышали эту историю не один раз.

– А я к чему? Сам говорил – по порядку... Главное, конечно, вопрос питания. Его запасами не решишь. Ну затаришься тушенкой да крупой на год, ну на два, да хоть на пять – а дальше что? Магазины откроются? Нет, тут задача не год-другой пересидеть, – тут, брат на поколения. Рано ли, поздно – любые припасы кончатся, если не воспроизводить. А кому производить, кроме тебя? Я, как заселился, с этого и начал: картошку посадил, капусту, лук-морковь, чеснок, прочее там по мелочи. Топинамбур – этот больше на подкормку живности, хотя и человеку сгодится. Без мяса ведь тоже нельзя, да и молоко не помешает. Под это дело я коз завел – милое дело: тут тебе и мясо, и молоко, а всех забот – привязал к колышку на выпасе да не забывай место менять, как траву объедают. Зимой только сена надо, а то и веток нарубил – проживут. И с курами проблем нет – им один курятник и нужен, пока снег не лег, сами пасутся, только зимой подкормить. Нет, без цивилизации жить можно...

– И сколько ты прожил? – поинтересовался Рыжий. – На самообеспечении?

– Два года, считай. Все свое – даже хлеба не покупал, нарочно, чтобы отвыкнуть. Ни чая, ни кофе. У нас в офисе все без конца кофе глотали, ну и я тоже. Без чашки не мог рабочий день начать, до вечера к автомату раз десять сбегашь. А здесь уже и забыл про него. Свежий воздух, физическая нагрузка, еда без химии – и никаких тебе допингов не надо. Хозяйство свое – лучше всяких стимуляторов мобилизует. Крутишься с утра до вечера – это сделать, то не упустить, тут предусмотреть, там подготовить... После города тяжело, конечно, но ничего, свыкся. Лучше заранее, потом поздно будет привыкать. Спешить надо, времени-то мало остается. Телевизора у меня нет, но от новостей куда спрячешься. В Интернет что ни сунешься – где переворот, где конфликт назревает, где уже воюют...

– Так ты компьютер оставил все же?

– Оставил пока, и радио тоже. На всякий случай – вдруг оповещение успеют передать, если, конечно, будет кому оповещать. А комп для заработка: я айтишником был, а как в деревне поселился, на фриланс ушел. Пока деньги чего-то стоят, надо пользоваться, в хозяйство вкладывать да припасаться. Про лекарства да инструменты я сказал, а сколько еще такого, чего сам не сделаешь? Мыло, например, – сейчас копейки стоит, а после где его возьмешь? А обувь, спички, кирпич, – опять взялся перечислять Игнатий, – туалетная бумага, веревки, карабинчики, нитки-булавки...

– ...патроны, – не утерпел Рыжий. – Патроны, стволы – тоже припас? Рано или поздно до твоего хозяйства все равно доберутся. Не горожане, так соседи голодные.

– И патроны, – кивнул Игнатий. – Только ведь и они со временем кончатся. Значит, бери шире, тут тебе – и запас пороха, и гильзы, и пулелейка, и капсюли, масло ружейное... Ну и пара стволов: «Сайга» и двустволка в доме. Но это так, на первый случай, мелочь отпугнуть. Дом не крепость, серьезной осады не выдержит. Окружат да спалят ночью. А то из гранатомета шарахнут. Нет уж, тут главное – вовремя живыми уйти. И хозяйство целее будет.

– Да какое хозяйство, бандюки же все раскурочат.

– Не успеют, их сюрприз будет ждать. А там и я вернусь: привет, гости дорогие.

– Так вот зачем тебе ход – план Б типа? Уйти, чтобы вернуться? А снаружи небось схрон? А в нем?

– Что-нибудь из армейского, что удастся добыть... А схрон нужен заранее – пока не грянуло, боевое оружие дома держать не с руки, еще под статью загремишь. Это газовую ловушку можно как-то под бытовую химию замаскировать, хранить частями. А с оружием дело тонкое, добыть его да не вляпаться непросто, я еще только примерялся, подходы искал... А пока взялся аварийный выход копать. Там меня и завалило.

– Напрочь? – поежился Рыжий. – Жуть.

– А... – Игнатий махнул рукой, лицо его враз померкло, помертвело. – Но так надо было, сам виноват. Меня перед этим озарение посетило, а я не внял...

Он вдруг перекрестился.

– Ход я узкий делал – лишь бы проползти. Так быстрее, да и если много земли таскать на поверхность, заметно будет, а это мне ни к чему. Грунт вроде хорошо держался, потом, думаю, расширю малость да укреплю по возможности. Уже метров пять прокопал: наковыряю саперной лопаткой, земли в мешок нагрebu и – задним ходом, как червяк. В погребу землю высыплю – прилично уже накопилось – и назад. Жутковато под землей, в тесноте, душно, потно... Нет-нет да прислушаешься – это ты скребешься или грунт ползет... Мысли всякие лезут, но терплю, бодрюсь. Кроты вон всю жизнь ходы роют, у них даже фонарика налобного нет, – и ничего, не жалуются. Вот и ты рой да меньше думай... Рою. И тут вдруг мысль: а я ведь не из погреба, я из этой жизни подземный ход копаю. И сейчас, и вообще...

Игнатий покрутил в воздухе рукой, подбирая слова.

– Дом, хозяйство, припасы – все это ведь не для того, чтобы сейчас жить, а на будущее. То есть как бы аварийный выход себе готовлю: из этой жизни – в другую. А на эту я, выходит, совсем забил? А что, она такая плохая была, что я ее вот так хороню? Да нет, жил вроде непло-

хо, работа нравилась, и деньжата водились, и с женой хорошо жили, радостно... детишек собирались завести, да пока не сложилось. И там, под землей, меня осенило – а не оттого ли не сложилось, что я в другую жизнь собрался? А она по-своему, по-женски – за прежнюю держалась? В деревню-то со мной не поехала, все на работу ссылалась, сколько я ни втолковывал, что моих денег нам хватит, а в хозяйстве от нее пользы больше, чем от ее зарплаты. Про пенсию и думать смешно, когда государства не станет – какие пенсии? Деньги на растопку только и сгодятся. Ну хочешь, тоже на удаленку устрой? Нет, тянула, причины находила. Приедет иногда на выходной, кивает, хвалит, но все реже приезжала. Ждала, что одумаюсь? Может, меня и вправду куда-то не туда качнуло? Вон люди вокруг живут себе, как птички божьи, я к концу света готовлюсь... Но я же не слепой, я же вижу, что мир к черту катится!

Ковыряю лопаткой, а мысли точат.

Я же не виноват, что они слепые, в сегодняшний день вцепились и боятся глаза поднять, в будущее глянуть – вот и лишают себя этого будущего. А я не хочу лишаться, я строю это будущее, и может, не для себя только, да... Глядишь, ко мне же и прибегут – кто выживет, конечно, немногие, единички. И что? Если подобра – приму, накормлю, к хозяйству приставлю. А как иначе – работай, кормись. Лишних рук тут не будет, дел на всех хватит. Глядишь, коммуна со временем наберется, охрану усилим, расширится – разумно, по мере сил. Может, объединимся с кем-то – не один же я такой предусмотрительный, должны быть еще! Объединимся, укрепимся – а там и что-то вроде государства получится... Может, так и цивилизация возродится, и к новому миру пойдет благодаря таким, как я...

Наковыряю, отволоку мешок, опять в нору. А мысли точат. Злые какие-то, будто уже и не мои.

Так ты, выходит, не о себе заботишься, род человеческий спасаешь. Вроде Ноя, значит, а хозяйство твое – ковчег. Цивилизация, новый мир, говоришь. Да их, может, сотни были, этих цивилизаций, от них что ни год, то там, то здесь какие-нибудь руины находят, – и все этими руинами кончились. А не потому ли, что так всегда и получается – одни слепые, боятся глаза поднять, живут навстречу гибели, другие, вроде тебя, – поодиночке спасаются.

К новому миру, говоришь? А может, ты просто этого мира боишься – и жить в нем боишься, и умереть вместе с ним. Вот и мечтаешь сбегать, вот и роешь себе нору... Может, вам, таким, не бросать, не предавать этот мир, а спасти его надо? Людям глаза открывать, эту жизнь потихоньку менять – выправлять да отстраивать. Всем вместе спасать и спасаться.

Да откуда это – как будто не с собой говорю. Словно голос чей-то в голове.

А ну тебя, говорю этому голосу. Спасешься с ними. С кем ни поговори – все всё понимают: ох да ах, куда мир катится! – а отойдешь, и опять живут – глаза в землю, ну чистое стадо: нашел травку – съел, а вон там посочней да погуще – туда перебежал. Так стадом и на убой... Мне с ними не по пути. Если весь мир рехнулся, я ему не компания. Спасусь – молодец, может, еще и спасу кого-то, а погибну – так хоть не по собственной дури, не со сложенными лапками.

Остановись, подумай, – твердит голос.

А пошел ты, говорю. Нора – ладно, пускай нора. Зато моя нора. Вон уже сколько прокопал... некогда мне думать.

Лопаткой на корешок наткнулся, рубанул посильнее – посыпалось. Я назад, дергаюсь, вязну... сыпется и сыпется, придавило. Только головой и могу шевельнуть. Фонарик на лбу горит, перед глазами еще полость осталась – рука засыпана, лезвие лопатки торчит, на нем то обрубок корешка, не то какой-то косточки... Все, хана, вот так же и мои косточки тут останутся. Не отпустил меня этот мир. Господи, страшно-то как!.. Не смерти уже – такой вот смерти! Насколько еще воздуха хватит? Господи, скорей бы!.. А сверху сыпется и сыпется, до губ дошло, земля на зубах скрипит, нос забит, чуть дышит... И фонарик светит. Я зажмурился – все равно под веками светло, не спрячешься... Гляжу, не могу не глядеть... – Игнатий заговорил медленно, словно вглядываясь в видение. – И чудится – будто выход открылся, и свет уже не от фонаря – оттуда свет, тихий, ясный... Только на нем разводы какие-то – кости скрещенные? решетка? Господи, плачу, пусти туда, за эту решетку, на свет, чтобы только не здесь мне... ты же можешь! Ну хоть глаза закрой, чтоб не видеть! Он и закрыл.

– Да уж, – кашлянул Рыжий, – чего только не примерещится... в такой ситуации. Не дай бог...

– Не примерещилось мне, – оборвал Игнатий. – я вправду видел. Только не решетка это была – крест.

Замолчал, закрестился.

– И как здесь-то оказался? – осторожно подтолкнул Рыжий.

– Просто оказался, и все. Сижу вроде на дне оврага какого-то, по пояс в земле. И мысль в голове крутится: ну вот... ну вот... Что «ну вот»? А, это тот же голос, что мне в норе мерещился...

Осмотрелся: точно – овраг. Но не тот, куда я ход копал. Тот помельче был и весь кустарником зарос. А этот глубокий, склоны крутые, над ними сосны торчат, здоровенные... И я в куче свежей земли сижу. Склон, видать, осыпался, и меня оползнем на белый свет вывезло. С прибытием типа...

– Время, – Невем постучал по запястью, на котором не было часов.

– Да, – Игнатий поглядел на небо, вскочил. – Пошли, Лис.

– Куда это?

– Да недалеко, сам увидишь... лучше увидеть. Пошли, а то солнце зайдет. – Он опять стал нервным и суетливым просителем.

Сразу углубились в чащу. Игнатий шел впереди, резко огибая стволы и прорывая кустарник. Остальные приотстали, и, когда вязкий смешанный лес вдруг уступил место просторному и чистому березняку, Рыжий не сразу различил его силуэт. Игнатий ждал их на опушке сияющей рощи, на фоне закатного пламени, и казалось, земля обрывалась за его спиной. Вся его фигура выражала нетерпение.

Игнатий опустил на колени перед каким-то пнем.

– Молится, что ли? – проворчал Рыжий. – Как в церкви...

– Пока еще нет, – усмехнулся Невем. – Он еще не воздвиг свой храм. Но близко к тому.

– Храм?

– Он строитель, это главное, что нужно понимать. Был строителем и остается.

– Он творец, – поправил Нем, и в его тоне прозвучал отголосок застарелого спора.

– Это все равно, – отмахнулся Невем. – Творец, строитель... Важно, что строил он раньше не то, что следовало. Собственно, это он и хотел объяснить.

– А теперь? – спросил Рыжий. – Теперь знает?

– Вряд ли это подходящее слово, поскольку подразумевает опору хотя бы на какие-то критерии истины. Скорее верит. Не думаю, что...

– Неважно, что думаешь ты, – угрюмо перебил Нем. – Важно его ощущение, чувство веры. Без веры истины быть не может. Да и не нужна она, без веры-то.

Невем снисходительно отмолчался, а Рыжий спросил:

– Без веры – это в Бога в смысле?

– В кого же еще?

– Ну мало ли, кто-то же и в дьявола.

– Дьяволу поклоняются. А в Бога – веруют. Чуешь разницу?

– А ты веруешь?

– Если бы! Эх, сподобиться бы, как Игнатий – тогда и жить можно...

Нет, слаб... – махнул рукой Нем.

Уточнять Рыжий постеснялся; они уже подходили.

Игнатий ждал. Он стоял на коленях и глядел на них поверх толстого березового пня. Странно, успел заметить Рыжий, – верхушка пня, где должен быть срез или слом, была тоже прикрыта берестой. Когда они подошли, Игнатий положил ладони на пень с двух сторон и потянул вверх. Кора сползла, обнажив древесину, снялась, как футляр, и он отставил ее в сторону.

То, что увидел Рыжий, походило на заготовку, вырезанную из комля. В ней угадывались очертания церкви. К деревянному кубу, словно взятому от детского конструктора, только не такому ровному, лепилась паперть в три узеньких ступеньки с символическим портиком, ведущим в голую стену без признаков дверей.

Все молчали, ждали реакции Рыжего. Он не знал какой.

– Без окон, без дверей... – брякнул в замешательстве. А что еще тут скажешь?

Невем саркастически кашлянул.

– Да будет! – с горячностью заверил Игнатий. – Все будет! Не главное сейчас. Ты гляди, гляди... Чего не хватает?

– Ну, дорезать надо...

– Да дорежу, сказал же! Ты главное гляди, вот здесь – чего надо? – В нетерпении ткнул пальцем. – Давай, давай, пока солнце... свет нужен...

На покато́й крыше торчали четыре столбика с обозначенными на вершинах куполов. Пятый, в центре, был крупнее других и смотрелся почти законченным.

– Крест? – сообразил Рыжий. И оглянулся в растерянности.

На него смотрели, ждали.

– Ну нет, – сказал он. – Вы чего это, в самом деле...

Все молчали. Игнатий подрагивал губами, подбирая и теряя слова.

– Да ладно вам... Меня в нем крестили, бабушкин еще... Бандиты в электричке не заметили, а вы... обыскивали, что ли?

– Синец видел, когда лечил. А мы не бандиты, – буркнул Нем.

– Нам нужнее, – кивнул Невем с серьезной миной.

– И маленький он, – продолжал цепляться Рыжий, – простенький, без узора, невидный совсем...

Крестик и вправду был скромный, без распятия, вообще без рельефа и надписей; Рыжий ничего в этом и не понимал, и крестик носил не особо задумываясь, просто вроде как свой и снять непривычно. Да и единственное его золотишко, пустячок, а греет.

– А ничего, хорошо даже, – зачастил-закивал Игнатий. – Гладкий бликует лучше... и чистить легко, и вообще... – он искал, что еще сказать, губы подергивались вхолостую. Он протянул к Рыжему руку ладонью вверх, и глаза у него были как у настырного нищего.

– Да вы серьезно, что ли? – опять оглянулся Рыжий. Нем и Невем молчали, и каждая секунда молчания словно отодвигала их от него.

– Ну ладно, – поддался Рыжий. – Если только...

«На время» – едва не слетело с языка. Но на «на время» – дают пользоваться. Вещицу, игрушку. Игрушку он носил на себе всю жизнь? Споткнулся об эту мысль, внезапно и впервые. «На время» – это ума-лит, унизит и крестик, и его самого. Похоже на отступничество. От веры? Так он – верует?

– Ладно... – Потасил шнурок через голову, подержал крестик на ладони. Он был маленький и теплый (*чьим* теплом?). Протянул Игнатию, *отрывая* от себя, *насовсем*. Иначе нет смысла, нет жертвы. Нет веры. (А теперь есть?)

– Гайтан оставь, – сказал Игнатий.

Узелок за много лет спекся в тугой комок, не поддавался ни ногтям, ни зубам.

– Давай я... – Игнатий просто отъединил колечко вместе со шнурком и вернул Рыжему.

До сих пор Игнатий торопился, а тут замер, с крестиком на ладони, словно решаясь или боясь что-то забыть. Оглянулся на закат, переложил крестик с правой ладони на левую, закрестился. Повернулся к пню, стал на колени, опять замер, шепча что-то.

Взяв крестик двумя руками, словно хрупкое насекомое за крылышки, вставил основанием в невидимую прорезь в вершинке главного купола. Медленно, будто крестик и впрямь был живым и мог улететь, отнял руки.

Все молчали, и слышно было, как выдохнул Игнатий.

– Блестит... – Он осторожно поднялся. – Давайте сюда, отсюда лучше... – Все невольно сместились. – Вот – горит...

Гаснущий закат красил игрушечную церквушку нежно-малиновым, отчего дерево казалось живым и теплым. Но тень уже прибывала – осязатима физически, как смещение минутной стрелки по циферблату, – тень затопляла ее, как вода. И чем выше она поднималась, выдавливая кверху живое тепло, тем жарче разгорался крестик на фоне помутневший листы – слепящая искра, капля пылающей крови, набухающая над половодьем тьмы.

Нестерпимо было видеть, как сорвется, канет...

Рыжий опустил глаза.

Срез пня вокруг церквушки был бугристый, в кляксах теней, – тут явно обошлось без пилы или даже топора, одним ножом. От края пня шли два тонких гребня; они сходились под прямым углом, но не смыкались, оставляя что-то вроде прохода в ограде, обращенного к храму.

– А это что?

– А?... – Игнатий оторвал взгляд от креста, заморгал подслеповато. – Это? Погост.

– Я думал, дорога... – Рыжий отчего-то поежился.

– Это и есть дорога.

– Куда?

– Ну ты даешь. Кто ж знает... Отсюда.

– В смысле дальше, – поправил Нем. – Не отсюда, а дальше, вперед. – Не нам знать, – отверг Игнатий. – Кому вперед, кому – назад... За себя говори.

Рыжий отошел от пня, выглянул с опушки. Сразу за рощей земля убегала из-под ног крутым скатом, переходящим в обрывы и осыпи. Внизу ползла извилистая речка, за ней тянулись дикие поля с оврагами и перелесками, невысокими холмами, – до самого заката. Закат угасал, его лучи уже не пробивали листву, отражались от нее в высь, в огрузшее, венозной синью набрякшее небо.

– Аминь, – донесся бодрый голос профессора, и Рыжий понял, что крест погас. – Что ж, пора и нам.

– Идите, – отозвался Игнатий. – Я останусь.

– Рассвета будешь ждать?

– Луны. При луне хочу видеть.

– Сомнительно, – вздохнул Невем. – Свету от нее... не полнолуние даже. Да и облака вон, гляди.

– Уж сколько будет.

Возвращались в становье втроем.

– Чего он там разглядит? – спросил Рыжий, когда уже отошли и Игнатий бы не услышал. – Луна же с востока взойдет, за рощей, ее и не увидишь за деревьями.

– Свет всегда есть, – мрачно изрек Нем. – Не каждому виден.

– Да какой же это свет? – чего-то доискивался Рыжий. – Ну, Солнце – еще понятно, оно источник и прочее там. Но Луна не своим светом светит, так – блик ловит... Блик от блика – чего на него глядеть?

– Луна – как крест на куполе, что над всей Земли высится. Чтобы знали, что свет и ночью горит, не угас. Да и Солнце, если подумать, – никакой не источник. Кто-то же его зажег – своим светом...

– Так это что-то вроде светового телеграфа получается? Этот, как его... с зеркалами?

– Гелиограф, – подсказал Невем.

– Вот-вот, – подхватил Нем. – Все вокруг – зеркала, само по себе ничто не светит. Не живет. Не существует. Вся Вселенная, весь божий мир – это послание, гелиограмма...

– Только прочитать не можем, – остудил Невем. – И связь, похоже, односторонняя. Обратного не достучаться.

– Откуда ты знаешь? – глухо спросил Нем. – Ты не можешь знать. Ни ты, ни я. Не готовы мы.

– А Игнатий? – спросил Рыжий.

– Уверовал он. Проникся, – бросил Нем и опять умолк.

Он шел впереди, не выбирая тропы, Рыжий с профессором – следом. Лес онемел в сумерках, хруст случайной ветки под ногой, казалось, разносился по всей округе

– Понял, что по-честному надо, – вдруг с ожесточением заговорил Нем. – Что не надо ему вперед. Рано, не заслужил – там еще не отработано. Вернуться хочет. Вот погост и вырезал.

– Погост? – растерялся Рыжий. – Так он... умирать собрался? Чтобы там воскреснуть?

– Ну да. Храм, погост – это как прошение вроде, молитва рукотворная.

– Да зачем же умирать, если он тут «нерожденный» как бы? Сам же такое имя взял.

– Имя – это слово. К слову дело нужно. Все страдал – крестик бы ему, освященный. У нас-то здесь как на грех – ни у кого. А тут и ты со своим – одно к одному, знак. Он и утвердился.

– Так он потому остался?! Да вы что, мужики... – Рыжий остановился. – Он там... вешается, что ли? Бежим!

– Ну, ну, – придержал его Нем. – Не будет он вешаться, грех это. Да и вообще...

– Не по-божески, – подтвердил Невем. – Не смиренно. Все равно как Всевышнего перед фактом ставить: я, мол, себя убью, а ты за меня разруливай, верни, куда мне надо. Нет уж, взмолился – теперь уповай, яви кротость агнца.

– На что уповай?

– Может, сук на голову упадет, может, молния ударит или сердце во сне остановится. По воле божьей.

– Не ерничай, – напрягся Нем.

– А если не дождется? – не мог успокоиться Рыжий.

– Тоже вариант, – кивнул профессор. – Прощение рассмотрено, резолюция: оставить без удовлетворения. А может, и вовсе не дошло до инстанции, прощение-то... Только он об этом не узнает. Так и будет ждать до скончания века. Своего, по крайней мере.

– А если все же с ним что-то такое... он вправду назад попадет? Возможно такое, а?

– Все возможно... теоретически, – пропыхтел Невем, выдираясь из густого орешника на ближайший прогал. – Исходя из допущения о наличии некоего всемогущего субъекта...

Он с театральным смирением воздел руки к бледному кусочку неба в темном жерле крон.

Нем угрюмо глядел на него. И вдруг усмехнулся – с беспокойством, с сочувствием, даже, пожалуй, с нежностью.

– Так и будет, – согнал улыбку с губ. – Вернется Игнатий. Верует он.

– Ему надо – он и верует, – вздохнул Невем.

– А вы? – вырвалось у Рыжего. – Вам – не надо? Вы не хотите вернуться?

– А должны хотеть?

– Ну как же – вы же не сами сюда... не по своей воле?

– Как знать, – пожал плечами профессор. – Бывают устремления, в которых человек себе не признается. Живешь себе обычной жизнью, все его устраивает, лишь внутри кольнет иногда, что как-то все не так, что могло бы как-то иначе.

– Ну, наверное... Только что – иначе?

– Все – мысли, чувства, тело, желания... Ну, кольнуло и прошло. Но не ушло совсем, возвращается иногда – то чаще, то реже. И постепенно прорастает в человеке ощущение, что живет он как в паутине, все, что ни есть вокруг, да и в нем самом, расплывчато, недопонято, недотянуто – оценки, цели, поступки. Что вся жизнь – не та, не там, а могла быть другая, полновесная, сильная, точная. Где? – сквозь паутину не видно. Рвануться бы из нее... – профессор наставил палец на Рыжего, – ...куда?

– К свету? – поддался Рыжий.

– Именно! – рассмеялся профессор. – Что и требовалось доказать. Подавленные желания перестают в психоз. Я, конечно, не психиатр, и симптоматика в моем изложении звучит дилетантски, но, полагаю, суть схвачена верно.

– Психоз? В смысле мы – сумасшедшие? – изумился Рыжий.

– А это уж кому как нравится, по личному усмотрению. Экзистенциальный выбор, так сказать.

Рыжий не мог понять, шутит профессор или говорит серьезно.

– Да не слушай его, – махнул рукой Нем, – а то и вправду свихнешься. Главное, мы здесь – ну, значит, здесь. Прими и живи дальше.

– Да понял я, понял. Но как мы здесь оказались-то?

– Должны были, вот и оказались.

– Должны? Почему? Это что – наказание? Или... дар?

– Ни то ни другое, – отрезал Нем. – Бог не наказывает, только от-вернуться может. Сами себя наказываем. А подарков не заслужили мы. Назидание это, урок.

– Добрая розга – чем не назидание? – вздохнул Невем. – Однако застоялись.

Опять шли в сгустившемся сумраке, Рыжий держался за Немом, прикрывая лицо от веток. Когда лес поредел, поравнялись, и он спросил:

– А вы-то как здесь оказались?

Ему не спешили отвечать.

– Или это секрет? Я не то спросил?

– Не знаю, – сказал наконец Невем. – Я же предупреждал: *тут* я вообще ничего не знаю. Зато у Нема есть версия: из бани.

– Как это?

– Самым прозаическим образом – никакой тебе мистики, ни грозных знамений, ни откровений, ни страстных порывов духа. Из бани – и прямо сюда, вот и вся его история.

– Наша история, – холодно уточнил Нем. – Одна она у нас.

– Так вы вместе... парились? – догадался Рыжий. – В смысле – и *раньше* дружили? И что случилось-то?

– Угорели. Свет в бане от бензинового генератора, он его в предбаннике включенным оставил.

– Всегда оставлял, – отмахнулся профессор, – сам знаешь. Дверь же открываем.

– Парились от души, – не отреагировал Нем. – Да еще приняли перед этим, пока топили... Жару нагнали невтерпеж, щелочку в предбанник пришлось приоткрыли. Он первый вышел, не по себе ему стало. Ну, возраст, думаю, я-то помоложе... Еще похлестался, чую, перебор что-то, – в ушах стучит, голову давит и дышится как-то... С полка слезаю – ноги не держат. В предбанник вывалился – дымина, не продохнуть, он на полу лежит, а генератор молотит, и дверь закрыта. Ветром, что ли, захлопнуло. Я через него ползу – он скользкий, в блевоте, и сам блюю, но – к двери... и все.

– Всегда ее открывал, – повторил Невем. – И кирпич подкладывал, он там нарочно припасен.

– Может, неплотно подложил, – посочувствовал Рыжий. – Случайно, мало ли...

– Да ладно, – махнул рукой поэт. – Чего теперь, оба хороши. Нечего пить перед парилкой. Перебрали, чего там, в пылу полемики.

– О чем спорили-то?

– О судьбах человечества – о чем еще спорить поэту с философом? Невем новую науку придумал – историю будущего.

– Ну, ну, не передергивай, я говорил не так, – профессор с облегчением подключился к новой теме. – И какая там полемика – обычный треп под рюмку. Хочется же иногда хотя бы мыслью вспорхнуть, вырваться из паутины... Я и пошутил, что единственная история,

которую стоит преподавать, начиная с детского сада, – это история будущего. Поскольку прошлая история – мертвое академическое знание, в практическом плане бесполезное, учит лишь тому, что никаких уроков из нее человечество не выносит. Прошлое – далеко, оно уже случилось и потому не пугает. Единственный способ уберечь людей от ошибок – сунуть под нос ужасы, которые ожидают впереди, нависают над ними, над их детьми – конкретные, неотвратимые. Это послужит хорошим пинком, заставит начать действовать уже сейчас, отложив мелкие сиюминутные делишки и распри перед лицом глобальных угроз. Ужас перед будущим – единственный способ вырвать человечество из спячки.

– И кто ее напишет – эту историю будущего?

– Вот вопрос! Хорошо бы, конечно, с натуры, глазами очевидца, так сказать. Но что толку мечтать о несбыточном... – тон профессора показался Рыжему уклончивым. – Тут нужны не туманные прогнозы и не фантазии футурологов, этих всегда в избытке, их никто не принимает всерьез, – а ученые, да что там – целая научная школа, которая даст человечеству четкий сценарий его грядущего самоубийства. С регулярным уточнением сроков – по годам, по месяцам! Мощная пропагандистская поддержка, с максимальной конкретикой и наглядностью всех ужасов апокалипсиса, во всех его чудовищных проявлениях – только так можно продолбить защитную скорлупу обывателя. Ну, и так далее... Игра ума, разумеется. Впрочем, Нем и не особенно спорил, в чем-то даже согласился.

– Я о другом говорил, – возразил Нем. – История – вообще не наука, а лишь набор интерпретаций, и ученая братия тасует их и складывает в нужную мозаику, в зависимости от политической конъюнктуры. Не говоря уж о том, что масса исторических фактов попросту замалчивается, поскольку не укладываются в накатанные пропагандистские мифы.

– Типичный дилетант, начитавшийся Фоменко, – хмыкнул профессор.

– Единственное, что очевидно, – золотых времен не было никогда. И поэзия, этот больной нерв человечества, всегда болела об этом. Она сама – болезнь несовершенства этого мира. Как еще назвать стремление выразить то, чего не в состоянии постигнуть сам, это вечное неутоленное вожделение? Но если человечество к чему-то движется – к гибели или просветлению, к хаосу или гармонии... – Нем перевел дыхание, улыбнулся странной улыбкой: – Дайте хоть одним глазком заглянуть в финал этой чертовой истории, ну хоть чуть ближе – откуда хотя бы угадывается тень этой бездны, отблик преисподней. Или – престола Господня. Хоть краем уха, хоть отголосок уловить того последнего звука – горнего ли гимна, рыка ли сатанинского, Слова, которому быть в конце. Услышать, внять...

Нем прочистил горло и умолк.

– А ты, – после паузы спросил Рыжий, – почему стихи писать перестал?

– Не слышу ничего. Молчание одно. Silentium... Видно, рано еще, далеко.

– А там слышал?

– Думал, что слышу. Потом понял – не то слышу. Себя только.

Они вышли к становью, пересекли поляну и остановились у мертвого кострища. Молчали, но не расходились.

– Понятно... – протянул Рыжий. – Получается, потому вас и кинуло – по вашему желанию, вперед.

Профессор рассмеялся.

– Да ничего не получается! Я же говорю – это версия Нема, попросту плод фантазии. Аргументы? Ну, например: если мы перенесены сюда

неведомой силой из бани прямо из бани, то оба должны быть голыми. Между тем на нас та же одежда, которую мы сняли в сгоревшем, по всей видимости, предбаннике.

– Закоснелый рационалист, – уязвил Нем, – втискиваешь непознанное в привычные схемы. Тут сто причин может быть...

– И все, конечно, для нас непостижимы. А у меня одна, самая простенькая. Мозг перегружен, непрестанно конструируя несуществующий мир, и попросту упускает мелкие детали.

– Но ты-то не упустил эту деталь! Или у тебя два мозга?

– Так где же мы, по-вашему? – пресек перепалку Рыжий. – В несуществующем мире? Все?

– Не знаю, сколько повторять, – *тут* я ничего не знаю. Как не знаю и где находится это самое *тут*. Мой прошлый опыт и знания в данный момент бесполезны. Но есть предположение, которое вполне меня устраивает своей приземленной ординарностью. Я сплю.

– Спите? Где?

– Простейшее объяснение: после бани и доброй порции «Столичной» меня разморило, и я прикорнул на диване в дачном домике. Но уж никак не на полу в предбаннике, в собственной блевоте, – нахохлился профессор, – такого со мной не бывает. Разве что водка оказалась паленой... Тогда возможны интоксикация, бред. Да, в конце концов, при чем тут баня? Воспоминания здесь могут оказаться таким же миражом, как и все окружающее. Меня сбила машина на переходе – чем не объяснение? Я попал в реанимацию, наколот препаратами, галлюцинирую...

– Но тогда почему вы отвергаете версию Нема? Отравиться вы могли и угарным газом.

– Да потому что я не мог подsunуть кирпич кое-как! Я образованный человек и прекрасно понимаю, чем это грозит. Я вообще ничего не делаю кое-как!

– Ты ни при чем, – проговорил поэт. – Порыв ветра. Шквал. Помнится, гроза надвигалась.

– И ветер ни при чем! Этого просто не было. Дверь не могла закрыться. Иначе придется признать мы оба – покойники.

– Как это? – не понял Рыжий.

– Нем говорит, что потерял сознание раньше, чем дополз до двери. Получается – дверь закрыта, генератор продолжает работать, концентрация отравы растет... Что тут объяснять? Мы покойники, однозначно!

Профессор перевел дух.

– А между тем мы, хм... по крайней мере я – существуем. Хотя бы в моем воображении. Поймите же оба наконец: мозг человека способен связать любые факты в достаточно ловкую конструкцию, но это не значит, что они связаны в реальности.

– То есть вся эта история – фантазия Нема, а сам Нем, как и все здесь присутствующие, – плод уже вашей фантазии?

– Вполне вероятно.

– Тогда его версия событий, – старался не запутаться Рыжий, – это ваша версия, продукт вашего воображения? И вы же ее отрицаете...

– А что мне остается? – удивился профессор. – Мой мозг функционирует, он сконструировал целый мир, довольно любопытный, населил занимательными персонажами и играет со мной – как же мне устроиться? Приходится подыгрывать, хочу я того или нет... а скорее все-таки хочу, по крайней мере пока – иначе давно бы его отключил.

– Отключили? Мозг? Вы о самоубийстве?

– А как еще можно прекратить весь этот цирк? Вопрос лишь в том, сработает ли это в принципе? Проверять придется опытным путем... – Профессор в раздражении дернул плечами.

– ...И в случае неудачи ты боишься оказаться дураком, – закончил за него Нем. – Хотя дураком ты окажешься при любом исходе. Дураком и трусом.

– Это перед кем же? Перед призраками, созданными собственным воображением? Как-нибудь переживу.

– Действительно, кого тут стесняться... – Нем говорил с нарастающей болью. – Не это тебя останавливает. А я скажу что. Я, призрачное порождение твоего воспаленного мозга, имею право сказать от твоего имени. Ты испуган, раздавлен, ты лелеешь мысль о самоубийстве, как последний патрон, прибереженный для себя. Но ты боишься, что *здесь* это не сработает, патрон окажется холостым. И ты лишишься последней надежды сбежать и будешь обречен вечно блуждать в лабиринте своих галлюцинаций, сходя с ума внутри собственного безумия. Безысходность, полная, бесконечная, – вот что тебя страшит.

– Ах, как красочно! Безумец, сходящий с ума, – то есть сумасшедший в квадрате, еще и бессмертный к тому же. Не зря ты был поэтом. Хотя это ближе к сценарию какого-нибудь дешевого ужастика... Сейчас по сюжету укажешь мне путь к спасению.

– Ты сам его знаешь. Надо перестать притворяться спящим и открыть глаза. Принять этот мир, принять действительность наконец.

– Признать галлюцинации реальностью? Бред – нормой? Нет уж, увольте, я не настолько потерял самоуважение. Я ученый, в конце концов. И то, что я приноровился жить в несуществующем мире, еще не значит, что я него поверил.

Нем безнадежно махнул рукой.

– А в Бога вы верите? – вдруг спросил Рыжий.

Профессор помолчал, поднял глаза к луне, дрейфующей в облаках.

– Не здесь, – обронил он. – Спокойной ночи.

Нем и Рыжий остались вдвоем.

– Он не сказал «нет», – заметил Рыжий. – Но и не ответил.

– Ему придется.

– Похоже, он скажет «нет».

– Отрицание – тоже вера. «Да» и «нет» – две стороны одного. Между ними – он нигде. Никто. Собственная галлюцинация. Там он мог всю жизнь уклоняться от выбора, подменяя его накоплением знаний, *здесь* это не пройдет. Ему придется выбрать.

– Но он выберет «нет», – повторил Рыжий. – Выберет самоубийство, со временем – это его слова... Ты уверен, что это не сработает?

– Я сказал – может не сработать. Видишь ли, – поэт неопределенно повел рукой, – здесь еще никто не умирал.

– Как это? Но Лучезар рассказывал, как вы трупы на опоры вешали. Да и я же...

– Рейдеры не в счет, – качнул головой Нем.

– Почему?

– Вероятно, это их мир, он их порождает, он же и убивает. Я о тех, кто в становье. Никто из нас, *прибывших*, не умирал. Увечья, болезни – все это случалось, но...

– То есть... хочешь сказать – здесь мы бессмертны?

– Не поручусь. Но пока что так... Может, до срока.

Он повернулся уходить.

– Постой...

– Да? – обернулся Нем.

– А кто-нибудь уже... пытался?

– Покончить с собой? – Поэт помедлил с ответом. – Невем не будет первым. Но зачем ему знать? Шанс у каждого свой.

Он подождал еще, но Рыжий больше не спрашивал.

Ночь он спал плохо, мелькали лица, чудились громовые раскаты, но, когда просыпался, было тихо и лиц вспомнить не мог. Ныла нога. Лежал в темноте не шевелясь, с одной и той же навязчивой мыслью. Раз или два принимался накрапывать дождь. Он вновь убежал в забытье и вновь просыпался в испарине страха. Что это за мир, где ты не волен даже умереть? Или Нем ошибается, он не знает наверняка не может знать... за других, по крайней мере. Ты хочешь проверить? Не хочу, но если это правда...

Он никогда не хотел умереть, не думал о смерти, разве что иногда, смутно, – как о чем-то бесконечно далеком и необязательном. «Когда ты вырастешь, ученые придумают что-нибудь, и смерти не будет», – кто-то сказал ему в детстве – мать? бабушка? – та уже не дожила...

Ей повезло?

Душило осознание тупика, разум бился ужом, придавленный глыбой мысли о бессмертии. Затаившемуся в ночи, в жалкой сырой лачужке, она вдруг показалась ему чудовищной. Вечный плен, и не сбежать – от этого мира, от жизни, от себя... Стиснуть зубы и скулить, сходя с ума... скулить вечно...

Вечные муки... бабушка говорила – так это о них? Крестик, крестик – от нее... Крестик спасал, ограждал, а он сам снял его... отказался, отступился!..

Нет, не отступился – пожертвовал на храм! Ближнему во спасение... В смерти?..

Пытался вспомнить молитву, лишь два слова приходили на ум, и болела нога, и Рыжий углублялся, заползал в эту боль, как в щель; *Господи, помилуй, Господи, помилуй...*

Сам-то веришь?

– ...А?

Нем склонился у входа в лачужку, за ним маячили ноги профессора.

– Игнатий? – затряс головой Рыжий. Под утро он все же забылся, без чувств и видений, и теперь медленно возвращался. – С ним что-то?..

– Увидим.

День занимался тусклый, бессолнечный. Опять они шли по лесу, и потревоженная листва кропила одежду остатками ночного дождя. Когда вошли в березняк, воздух посветлел, и в прогале между стволов на краю рощи Рыжий увидел кусочек чистого неба. Прогал выглядел шире, чем вчера, деревья раздвинулись и наклонились в сторону косо-гора, пня с вырезанной на нем церквушкой на месте не было. Не было и самого места.

Они остановились на краю обрыва, выкусанном свежим оползнем. Расщепленный надвое ствол старой березы свисал до середины кручи, держась на корнях, от него потягивало дымком.

– Крепко трянуло, – констатировал профессор. – Вообще-то молния в березу не бьет. Ну, или крайне редко...

– Редко, да метко, – буркнул поэт.

– По-твоему – неслучайно?

– А по-твоему? Погляди вокруг: дождик едва попрыскал, гроза далеко стороной прошла. А молния, как нарочно, именно сюда ударила, дотянулась за несколько километров. Что, деревья поближе не нашлось?

– Божья милость, значит, – вздохнул профессор. – Помнится, был такой святой, Артемий Веркольский, погибший от молнии. Правда, от роду ему было двенадцать лет – в таком возрасте много не нагресишь... Но темные сельчане все равно сочли это божьим наказанием, забросали хворостом и оставили его неотпетым в лесу. Где тело и пролежало лет тридцать, что ли... пока чудеса не начались. Глядишь, и мы дождемся.

– Где он? – Рыжий в каком-то оцепенении смотрел на массивную осыпь вниз. Полузасыпанные деревья вздымались из груды свежей земли изломанные сучья; солнце выпуталось из облаков, и было видно, как играют на ветерке еще живые блестящие листья. – Там?

Его придержали за локти, как вчера в лесу, на всякий случай. Он не противился.

– Его нет, – мягко сказал Нем.

– Где нет?

– С нами. Он ушел.

– Вернулся?

– Возможно. Или ушел вперед.

– А если... – Рыжий все смотрел вниз. – Если...

Он вырвался и прыгнул.

Он прыгнул вдоль кромки обрыва, целя на отлогий выступ вниз, чтобы притормозить и оттолкнуться, сменив направление, и таким образом, петляя и гася скорость, одолеть весь спуск, избежав неуправляемого падения. Грунт осыпался под ногами, и, пытаясь не упасть, Рыжий поехал вниз, тормозя подошвами, но инерция бросила его на четвереньки, сбила на бок, и он покатился, срываясь с уступа на уступ, кувыркаясь и прикрывая голову руками.

Синец появился, когда Рыжий пришел в себя, покропил ему ссадины травяной водичкой из бутылки.

– Ну и ладно, зарастет...

Размотал повязку на щиколотке. (Рыжий не помнил, как знакомая тряпка опять оказалась на его ноге, как он сам оказался в лачужке – принесли без сознания?) Синец осмотрел его ногу и решил, что повязка больше не нужна.

– Дальше без толку. Там лечи. – Вытряхнул из еще влажной тряпки травяной комок и повесил ее на входе, зацепив за ржавый гвоздь. Присел на корточки.

– Где «там»?

– Куда прыгал.

Рыжий подумал.

– А куда я, по-твоему, прыгал?

– За Игнатием, куда ж еще.

Рыжий еще подумал.

– А где он?

– А где надо ему.

– Но ты знаешь, где?

– Не мое дело знать, – пожал плечами Синец. – Позовет – услышу. Не зовет – ни к чему, значит. Ни ему, ни мне. Вообще никому.

– Позовет... Так он живой, думаешь?

– Может, и живой где-нито.

– Но тогда под завалом его нет, что ли? Так получается.

– Может, и нет.

– А если все же он... ну, тело его, – там?

– Может, и там.

– Не искали? Так и бросили?

Синец смотрел терпеливо своими с оловянным отливом глазами.

– Чего ж мертвого выкапывать да закапывать. Из земли пришел, в землю ушел. И церковка над ним, все чин по чину.

– Нашли ее? Уцелела?

– Чего ей сделается. Пень последним свалился, не засыпало. Подправили только, чтоб ровно. Запорошилась – ничего, веточкой обмахнули...

Помолчали.

– Все равно как-то не так всё, – пробормотал Рыжий.

Но Синец уже поднялся, водил глазами по сторонам. Вытянул руку, на ладонь ему села пчела.

– Синец... – Рыжий высунулся из лачужки.

Тот смотрел на пчелу, будто слушал.

Пчела снялась с ладони и полетела. Синец двинулся следом:

– Ну, веди, веди...

– Синец! – с тоской позвал Рыжий.

– Ой? – Тот приобернулся, не отрывая глаз от пчелы.

– Ведь и я мог – как Игнатий... С такой-то высоты... И разбиться, и на сук напороться...

– Да запросто.

– И не поломался даже. Почему так... повезло?

– Не допрыгнул, значит, – в нетерпении переступил Синец. – В коленках слаб. Или прыгал не туда... Ну, где там твоя травка? – Пустился догонять пчелу.

Рыжий заполз в свою палатку.

Не допрыгнул, камешком перекатывалось в голове. *Не туда*.

А если бы допрыгнул – то что?

Куда ты прыгал?

И себе-то боишься ответить...

Он помнил ощущение, которое испытал в то мгновение, долю мгновения, когда он оттолкнулся ногой от кромки и полетел. Словно он уже летел так однажды – не в этой жизни, не в жизни вообще. Жизнь наступила потом – когда он родился.

И это же чувство он пережил, когда выпрыгнул из электрички, из прежней жизни... И оказался здесь.

Так ты хотел прыгнуть в другую жизнь? Из этой, нынешней?

Я не думал об этом, не успел. Меня что-то толкнуло...

Ты надеялся прыгнуть *назад*. На предыдущую станцию. Но мог оказаться где угодно и еще дальше от той жизни, куда смертельно хочешь вернуться.

Мог. Но мог и вернуться.

Как Игнатий? Но кто сказал, что он вернулся?

Не знаю... Но это был шанс... я попытался.

Но ты здесь. Не допрыгнул. Слаб в коленках? Или все же прыгал не туда? Которое из предположений Синца верно?

Вспоминай, вспоминай...

Все в точку, сдался Рыжий. И то и другое. Я струсил в последний момент. И в итоге прыгнул не туда.

Ему не хотелось, но он помнил.

То дежавю, то чувство зависания между двух жизней, было лишь первым ощущением, вместившимся в миг полета. Уже оттолкнувшись от кромки и захлебнувшись страхом и ветром, краешком сознания он отметил, что нога в последний момент подправила траекторию прыжка, направив ее не прямо вперед, а вбок – параллельно срезу обрыва, на тот небольшой выступ (когда, как он успел его заметить?), который давал надежду пригасить скорость и не сорваться в безудержное падение.

Инстинкт самосохранения, рефлекс? Не виляя, уличил себя Рыжий с неожиданной злостью. Кто дал волю инстинктам и рефлексам? Нет, это ты сам... самосохранился.

И было еще одно, добивал свое эго Рыжий. У тебя мелькнула мысль помочь Игнатию или хотя бы убедиться, что это невозможно. Но хотел ли ты этого в действительности? Для этого требовалось сойти вниз живым и невредимым, а уж никак не таким безрассудным способом. Нет, эта мыслишка была самообманом, жалкой попыткой замаскировать свой истинный мотив благородным порывом, придать себе храбрости. Ты еще и эгоист.

Синец прав, все в точку. И в коленках слаб, и прыгал не туда.

А если бы – туда? Если бы не вмешался инстинкт, который ты клянешь, и ты прыгнул не вбок, а прямо? И разбился насмерть?

Не принял же ты всерьез фантазии Нема о бессмертии *прибывших*. Одно дело терзать себя воображаемыми ужасами вечной жизни и совсем другое – рискнуть своей драгоценной башкой, положившись на чужие домыслы. Уж в чем в чем, а в подобной лихости тебя не заподозришь.

Ну да, я трус, я слабак, заскрипел зубами Рыжий. Ну покайся, а что толку? Один страх толкнул меня *отсюда*, но другой тут же ухватил за шкуру и вернул обратно. И что дальше? Оба страха по-прежнему тут как тут, потешаются, тянут каждый к себе. Который из них страшнее? Важнее? Правдивее?

А выбирай любой. Хочешь – оставайся, проверяй гипотезу «вечной жизни», заранее сходя с ума – да ты уже начал.

А то прыгни еще разок – вдруг получится?

Самоубийство, кстати, грех...

Раннее солнце сочилось в боковые щели лачужки. Блики наливались яркостью, крались по стене, соскальзывали на лицо, и Рыжий отворачивался. В полдень солнце нависало над входом и грело его разутые ноги. Под вечер солнечные пятна взбирались на противоположную стену, медленно отползали и гасли.

Третий, а может, четвертый, а может, пятый день Рыжий лежал в лачужке, уставясь на кочующие блики, задремывая и вновь выпадая из забытья. Лодыжка почти не болела. Он знал, что может ходить, но куда, зачем?

Мысли больше не докучали – возникали, отползали и гасли, как вечерние блики. Он мог подолгу следить за плутающими по ветхим доскам муравьями. За колыханием тряпки с его ноги, повешенной на входе Синцом, за тончайшими переливами тьмы в под невидимым ходом луны.

Время запуталось в днях и ночах, кружило, как вода в сонном омуте.

С ним говорили – кто днем, кто ночью.

Обрывки разговоров всплывали и меркли в памяти, как верхушки водорослей, колеблемых течением.

Он не пытался вспомнить последовательность этих посещений, да и сами разговоры казались подслушанными, словно он и не участвовал

в них, не задавал мучительных вопросов, а был лишь отстраненным свидетелем.

– ...Лучезар, а ты боялся умереть... ну, там, на вырубке?

– Кто ж не боится?

– Ну, может, тоже хотел – чтоб отсюда, куда-нибудь дальше, в другую жизнь?

– Зачем мне другая жизнь? Она меня лучше не сделает.

– Ну, вдруг тебе там лучше будет.

– Э, нет! – ворчал Лучезар. – Опять от ума, лукавство все. Надо, чтоб не мне лучше – чтоб я лучше стал. Тогда и жизнь от меня получается. А то что ж, тут не понравилось – сразу в другую, ишь ты... ждали тебя там! Нет, смерть еще заслужить надо.

– Но ведь ты в прошлой жизни – сам ее не хотел, готов был умереть.

– А дурак был. Как ты, хоть и Лис.

– А теперь хотел бы в нее вернуться?

– Пустое это. Нет мне назад пути.

– Откуда ты знаешь?

– Чую.

Он чует, вяло думал Рыжий поворачиваясь на другой бок. Синец слышит, Игнатий – верит. Невем знает... что ничего не знает. А я не слышу, не верю, не знаю...

– ...Все ты понял, – это Илия. – Только не так надо, не наобум.

– А как?

Илия молчал.

Или его не было.

Кто был?

Неважно, думал Рыжий, увязая в полузабытьи. Все были, кого он знал... и не знал? не помнил?... из беспорядочной вереницы, в которой мелькали и лица, неразличимые – кто в темноте, кто против солнца...

Сочувствия никто не выражал. Будто ничего особенного в его поступке не видели. Будто сами через это прошли.

И направлялись посетители словно не к нему, а куда-то по своим делам и мимоходом, раз уж оказались рядом с лачужкой, откидывали тряпку на входе.

Тряпка давно высохла и оживала на ветерке, отпугивая мух...

По делам... каким делам? Куда они направлялись? Все?

Теперь ему казалось, что шли они один за другим, подряд, и ни один не прошел мимо.

Словно хотели напутствовать его или проститься...

Мысли мерцали, пригасая и вновь разгораясь, перемигивались, как светодиоды в елочной гирлянде в замедленном режиме. Выключить их совсем он не мог.

...Кто был?

Была Надежда.

– Почему я вижу всех ясно? Раньше временами ты казалась прозрачной, и не только ты... Я уже – как вы?

– Ты хочешь быть таким?

– Не знаю... Все же нет... Вы – не люди?

– Конечно, нет! – Смех Невема?

Да, профессор тоже здесь...

– Мы существуем лишь в твоей голове. Наши образы и размываются временами в твоём восприятии, потому что требуют постоянного усилия и мозг не выдерживает... Стоит тебе переключиться на другие мысли, и мы перестаем существовать. Твой мозг подает тебе это в виде картинки, будто мы уходим. Сам рассуди: зачем же нам есть, пить, спать? Нас нет.

– А я для вас, уходя, – тоже перестану существовать? Вы все – друг для друга?

– Точно так же.

– Это правда? – к Надежде, она еще здесь.

– Это его правда.

– А есть одна, общая?

– Есть – пока идем к ней.

– Но мы же здесь никуда не идем. Мы все ждем.

– Это нас ждут.

– Кто? Путь? Бог? Чего он ждет?

– Когда будем готовы.

– Но ведь вы уже и так – не едите, не пьете. И я никого не видел вас спящими...

– Это лишь очередная степень свободы. Но чтобы двинуться дальше, этого мало.

– Чего же вам не хватает?

– Кому смирения, кому решимости... я не могу знать всего. Но, думаю, каждый должен разглядеть это в себе сам.

– А если не сможет разглядеть? Не захочет? Так и останется здесь навечно?

– Возможно. Или его подтолкнут...

– Но это же мучение какое-то... – Рыжий искал какое-то слово, – маета... – Слово брезжило со дна памяти, смутно связанное с бабушкой, с крестиком. – Мыканье...

– Мытарства? – оживился профессор. – Истязание душ бесами на пути к престолу Господню... отличный штрих к картине несуществующего! Следовательно, рейдеры – осовремененная интерпретация бесов. Таким образом, мы сами принесли в себе.

– Так мы – души?

– Мне ближе термин «галлюцинации». Но в любом случае и те и другие бесплотны... Что ж, аналогия с мытарствами не хуже любой другой – особенно если принять, что каждый из присутствующих сам себе бес. Поэт должен оценить.

– Перестань, – сказал Нем, и Рыжий не удивился, что поэт тоже здесь.

А Надежда исчезла.

– Признаю, признаю, – поднял руки профессор, – аналогия неполная. Для кого-то здесь вполне уже рай. Взять того же Синца...

– Перестань, – повторил Нем. – В раю не запасают кровахебку.

– Что это? – не понял Рыжий.

– Трава. Синец собирает ее. Ему указала пчела. Он и название не знал, Невем сказал.

– И от чего эта трава?

– Сильное кровоостанавливающее.

То ли он ворочался, метался в полусне, а может, лачужка сама потихоньку расползлась по швам вместе с его сознанием, – прямо над его головой, между лоскутом рубероида и куском шифера, образовалась щель. Рыжий не замечал ее раньше.

В щели застряла звезда.

Чем дольше он смотрел на нее, тем ярче она становилась.

У него заслезились глаза, он зажмурился, но продолжал видеть ее. Казалось, она приближается.

Когда он открыл глаза, она была на расстоянии вытянутой руки. Слепящая искра, мерцающая и набухая, протискивалась через щель внутрь лачужки. Крестообразные лучи пульсировали, раздирая полотнище тьмы, разжимая сходящиеся сомкнутые веки Рыжего, втискиваясь в глазные яблоки, в мозг.

В голове его раскрылся огромный зрачок, и свет бил уже не в мозг Рыжего, а изнутри его, во все стороны. Тьмы не осталось, только свет.

Сознание взорвалось. Он закричал, рванулся, ударился головой.

Оглушенный и напуганный, с колотящимся сердцем, он лежал в темноте ничком, зажав глаза ладонями.

Потом лежал ненавидя себя.

Рывком перевернулся на спину.

Звезды не было. Только гаснущие блески и холодок в глазах, будто в них дотаивали осколки льда.

Он погасил ее сам. Струсил опять – как струсил тогда, в последний момент, прыгая с обрыва. Не выдержал света.

Он смотрел в щель, в небо – мутное марево в неровном разрыве тьмы.

Звезда просто сместилась, ушла за край щели. Он подвигал головой вправо-влево, меняя угол обзора. Ушла.

Вот-вот начнет светать.

Он приподнялся на локтях, сдвигаясь к выходу. Взвизгнула лодыжка, умоляя затаиться в своей лачужке, в темноте и покое, замереть, задремать... Вставая, зажмурился от боли; под веками полыхнуло. Поначалу он различил только луну – матовый поплавок на застывшей поверхности тьмы.

Сотни раз в своей жизни Рыжий видел ночное небо, чаще не замечая, иногда – замечая и даже проникаясь (красиво, ага), – и тут же забывая, как симпатичный рисунок на обоях. Каждый сам по себе, они с небом не нуждались друг в друге.

И вот Рыжий пришел к нему, потому что не смог не прийти, выполз из тесной своей конуры, из давящего бреда – к небу. И не увидел звезд.

Луна следила за ним, как глаз наблюдателя, который бросил его на самое дно, в самую глубокую впадину в океане мрака ради какого-то чудовищного, непостижимого человеческого разуму эксперимента. И он долго и беззаботно тонул, прежде чем обнаружил себя на этом дне, жалкого и ничтожного, бессильного подняться к поверхности.

И вот очнулся – один, во вселенской пустоте, в полной ясности и безысходности, от которой сейчас остановится сердце.

Хотелось завывать на эту луну.

Он продолжал смотреть.

Хотелось забиться в свою конуру и никогда не выползть. Не сознавать, не чувствовать.

Не быть.

Он смотрел.

Они появились – едва различимые блески; не исчезали, прорастали все отчетливее.

Он искал свою, но возникали все новые, тут и там, усеивая небо. Разгорались россыпями, роняя вниз тонкие призрачные нити. Нити колыхались над землей, как стебли подводных растений, сплетались в светящиеся пряди, затем закружились – будто кто-то огромный сверху макнул пальцем во тьму и закрутил ее воронкой – и свились в единый жгут. Он походил на канат, сброшенный с поверхности ночи к самым глазам Рыжего. Мелькнула безумная мысль ухватиться, забраться... Но наверху, в полночной бездне, набрякла сияющая капля. Он узнал ее. Она скатилась вниз и выжгла ему глаза, и пролилась прямо в сердце.

Он искал и не находил себя.

Не было ничего. Кто-то одним движением стер всю Вселенную, как рисунок с классной доски мокрой тряпкой, забыв лишь случайную крупинку мела – дотлевающий уголек сгоревшей звезды. Гаснущая искорка в сердце – единственное, что осталось от тела, от всех ощущений, что еще удерживало агонизирующее сознание на краю небытия. И Рыжий цеплялся за этот край – всеми силами животной тоски, смертными спазмами воли, немой исступленной мольбы..

господипомилуйгосподипомилуй

Это были единственные слова, других слов не осталось во вселенной; он повторял и повторял их, не давая искре угаснуть. Он был как одинокий пловец в океане, свалившийся с плота и успевший ухватиться за тонкую рыболовную леску. Эти слова были натянутой леской, грозящей вот-вот оборваться. Он твердил их сквозь немоту, страхась прерваться и потерять их, и с ними – еще один миг существования и проблеск надежды, что он не одинок, что есть еще кто-то – тот, кто дал ему эти слова и повторяет их сейчас вместе с ним, помогая не сбиться.

Рыжий не знал, кто этот второй, не мог отделить его молитву от своей, лишь угадывал ее внутри собственной, и его переполняло чувство слезного умиления и детского упования на эту неведомую милосердную силу. Он тянулся прильнуть, ощутить ее во всей полноте и несомненности, слиться ней – и страшился отвлечься от молитвы, страшился обмануться и вновь остаться один, в безмирной пустоте, без слов и надежды.

господипомилуйгосподипомилуй

Искра жила, крепла; уже не искра – брезжащий огонек в сердце, мерцающий ровно, в такт дыханию молитвы.

господипомилуй...

Он прервался – внезапно для себя, на одно мгновение. Убедиться, услышать голос... Ужаснулся своему безмолвию, гордыне, безумию!.. Сердце пропустило удар, замерло. Но молитва не пресеклась, длилась без его участия.

– Не оставляй меня! – взмолился Рыжий.

я никогда не оставляю (услышал? подумал?). оставляют меня

Ответ не был облечен в слова, но был растворен в молитве, в неисчислимости смыслов, сплетённых в единую гармонию, которую Рыжий не мог охватить в целом, выхватывал лишь свое, спасительное, одну ноту, звучавшую ему.

Молитва жила сама по себе, словно рождалась не от них, а они от нее – и жили в ее жизни, дышали ее дыханием.

– Кто ты? – воззвал Рыжий. – Бог? Странник?

меня называют и так. я тот, кто в сердце

– Где ты? Почему я не вижу тебя?

я тот, кто в сердце, а ты ищешь вокруг. смотри в сердце

Рыжий смотрел.

Огонек креп, наливался жаром – мерцающий бутон во тьме, готовый брызнуть пламенем. Бутон раскрылся огненным цветком, лепестками жгучего света. Их было четыре; они раздвинулись, как шипы, в сердце Рыжего, и он впервые ощутил телесную боль.

Сердце трепыхалось, как рыба, заглотившая блесну. Он сам трепыхался на этой блесне, пойманный за сердце, над бездной небытия, и крестовидные шипы вонзались все глубже, и боль от них была опорой сознания, корнем его существования. И чем сильнее становилась боль, тем острее он ощущал себя живым и одновременно – нарастающий страх перед искушением избавиться себя от страданий: дать себе сорваться, исторгнуть из сердца крестовидное жало – вместе с болью, с жизнью.

– Поддержи меня!.. Отврати, дай руку...

я не могу. я лишь указываю дорогу

– Так кто же ты? – тянулся Рыжий, борясь и изнемогая. – Странник?

я – ты грядущий

– Дай мне увидеть тебя... себя...

ты не готов. принять грядущее – крест тебе не по силам

– Мне не по силам настоящее! Я должен увидеть – зачем, ради чего?..

Он ждал, страстно.

Молитва струилась через его сознание, приходя ниоткуда, утекая в никуда. В ней не было ответа. Она казалась неполной, словно в гармонии бесчисленного хора он искал и не мог различить единственного нужного голоса. Своего?

– Господи помилуй... – спохватился Рыжий, заполняя неполноту. – Снизойди... Смилуйся!.. Яви!.. – открывались слова полужнакомые, древние, теплые.

И:

претерпи

(Сам ли сказал, толкнул себя на казнь?)

воссясь

Шипы не вмещались в сердце, прорастали в плоть, распирала тело чудовищно раздавшимся остовом, распиная в пустоте.

престрадай

Он висел на кресте, простертом в бесконечность. К лицу его придвигались звезды, открывались миры, и Рыжий кормил их своим сердцем, утоляя космическую животворную муку, преодолевая встречные волны скорби и отвержения.

Но сердца не хватило, отчаяние затопило его, и молитву заглушил нарастающий гул, переходящий в иступленный, невыносимый вой. Он вобрал в себя вселенский стон и ужас бесчисленных душ, всевечной чередой бредущих от рождения к смерти. В этом хоре Рыжий различил и свой вопль.

– За что?.. Зачем эта вечная мука?

она не вечна. смотри в сердце

Рыжий смотрел. Сердце, огненный комок, горело не его огнем, содрогалось не его содроганиями, болело не его болью.

Рыжий припадал, льнул к этой соборной боли, убегая от своей малой. Но та была еще страшнее.

не вечна. ты умрешь

– Значит, мы оба умрем? Ведь ты – это я...

я не только ты. я в каждом, и каждый во мне

– Так погибель – мне одному? Отпусти меня! – возопил Рыжий с креста вселенского. – Я боюсь умирать!

смерть не вечна

– Отпусти! Я боюсь жить!..

жизнь не вечна

– Боюсь... воскреснуть – на муку горшую!..

ты не все еще видел. не достигнувший корня – лишь глаза опалит

– Все равно верни!.. – бился на кресте Рыжий. – Слепым, убогим – лишь бы там, на земле! Взмилуйся! Избави! Сведи с креста!..

Уловил, чуть слышное, как вздох:

сойди

(Сам ли себе попустил, толкнул на бегство?)

Всей силой отчаяния, стыда, ужаса рванулся с распятия, с пылающего остова, оставляя ключья – плоти? души? – на кресте.

Все померкло, и донеслось, не отсюда уже:

и ты бежишь меня

И Рыжий бежал, не видя куда, спотыкаясь и падая, и вновь поднимаясь, и оборвалась под ногами твердь; и сорвался с кручи, и покатился вниз, прикрывая голову руками.

Отзвук далекого грома проник в сознание. Рыжий открыл глаза, отвел рукой скребущие по лицу ветки.

Он и ночью узнал это место. Зачем он здесь?

Вспомнил, как бежал, не разбирая дороги, сквозь стыд и ужас, и одна лишь мысль металась в помутненном мозгу: если это не совсем еще помешательство, то лучше окончательное безумие, лишь бы спрятаться от вины, от понимания совершенного...

Что же он сотворил?

бежишь меня

От кого он бежал, кого бросил?.. Себя?.. Странника?..

меня называют и так

А еще...

Молчи! Не поминай!..

Бежал, бежал... зачастил он мыслями, заслоняясь от имени. Куда бежал?.. а куда ноги несли... Вот прибежал... случайно.

А вот не случайно, не случайно! Крестик! – осенило Рыжего, уцепился за эту догадку. Да, да, крестик! – заклинал от подступающего отчаяния. Он же здесь, только найти... Зачем? Надо, и все. Не зря же сюда...

Не обращая внимания на боль от ушибов и ссадин, на привычно ноющую лодыжку, переваливаясь через присыпанные землей стволы, увязая в пружинящих ветвях, Рыжий с полчаса исследовал осыпь под обрывом. Редкие облака не мешали луне, и пень с церковкой он нашел. После обвала его водрузили на кое-как нагребенный бугорок, но тот расползся от очередного дождя, и пень с игрушечным храмом покосился.

Креста на церковке не было.

В состоянии тихого ошеломления Рыжий выправил пень, заново нагреб и утоптал земляной холмик, обмел веткой маковки, сдул песок. Еще раз провел рукой по главному куполу, нащупал щербинку. Креста не было.

Он – там...

Догадка была ослепительной и не нуждалась в каком-то рациональном подкреплении.

остался там... в клочьях души...

Стиснув зубы, Рыжий запрокинул голову к звездам.

Звездам было все равно. Их негреющий свет коснулся его лица, отстраняя безучастной ладонью. Рыжий упал на колени перед пнем, ткнулся лбом в холодную землю, впуская в себя вину. Выдохнул *имя*.

Ничто не отозвалось, ни вдали, ни в сердце.

V. Оттуда

Вдали временами погромыхивало, раз или два начинал шуршать дождь и замирал в кронах, не достигнув земли. Выбравшись из кустарника на лунную прогалину, Рыжий присел передохнуть. Помассировал лодыжку. Пока терпимо, дойдет. Осталось немного. А дальше что?

Опять начался дождь, на этот раз сильнее, и Рыжий углубился в чащу. Он не знал, зачем идет к становой, просто тело, ушибленное, саднящее, несло его в потемках, с пустотой в душе, единственной дорогой. К таким же неприкаянным? Он не до конца понимал это слово, но в его грозной безысходности мерещилась какая-то отчаянная надежда хотя бы на общую с остальными, не одинокую свою участь.

Грозовой разряд прозвучал как треск фейерверка. Он повторился опять и опять, не вблизи, приглушенный шумом дождя. Протиснувшись через заросли, Рыжий заскользил по скату внезапно открывшейся ложбины. Боль в лодыжке бросила его на четвереньки, и некоторое время он переживал. Здесь было не так темно, как в чаще, место казалось смутно знакомым; похоже, он вышел к устью оврага, ведущего к становой. Хромая, двинулся дальше, чувствуя, как намокает под дождем и липнет к коже пропахшая потом одежда.

Дождь то слабел, то переходил в ливень, под ногами захлюпало, на дне оврага копилась вода, но Рыжий не мог идти быстрее. Раз или два он увязал в грудах размокшей земли, осыпавшейся со склона. За очередным поворотом на дне оврага маячило бледное пятно; в потемках оно походило ствол старой березы. Подойдя, он узнал Инну.

Она лежала ничком, одна рука согнута в локте, вторая вытянута вперед, словно она ползла и замерла. Ее тело белело сквозь намокший балахончик и казалось совсем голым. Рыжий отодвинул с ее шеи прилипшие волосы, попробовал нащупать пульс. Ему почудился едва уловимый запах (духов, растений?) – почудился и растворился в дожде. Волосы Инны были влажные и холодные, кожа начала остывать. Пульса он не уловил.

Пошатываясь, он стоял над телом, не пытаясь ничего понять, просто принимая к сведению: тех, к кому он шел, стало меньше, его пустота расширилась.

Он отступил на шаг, чтобы обогнуть тело, и провалился ногой в лужу, глубокую и топкую. Вот куда она ползла перед тем, как умереть. Родник поднялся из своего переполненного ложа и подступил к лицу Инны. Кончики волос уже колыхались в воде, и, если дождь не остановится, будет идти и идти, возможно, она совершит свое окончательное погружение. Пусть дождь идет вечно, подумал Рыжий.

И он будет идти и идти под дождем... куда? Он не знал. Может быть, вечно...

Скользя по земле и траве, он выбрался из оврага и двинулся к становой. Дождь не останавливался, но как будто ослабел и шелестел на одной монотонной ноте, как бесконечный выдох. Сквозь водянистое марево Рыжий различил разбросанные по поляне неясные черные пятна. Их было много, они походили на груды земли или на продолговатые валуны, а может, на копящиеся лужи – в потемках он не мог разглядеть, но ему показалось, что одно пятно смещается и сливается с другим. При его приближении пятно вновь разделилось, Рыжий успел различить распрямившийся человеческий силуэт и ослеп от света, ударившего в лицо.

Это было настолько неожиданно, что отупение безысходности вмиг слетело с него. То сухое потрескивание, принятое им за грозовые разряды и напоминавшее звук фейерверка, остывающее тело Инны, темные пятна, беспорядочно разбросанные по поляне, – все это разом связалось воедино. Это не пятна.

Сердце зашло от животного страха перед тысячью угроз этого мира, от которого он отделен лишь жалкой пленкой кожи.

И ближайшей угрозой был этот человек с фонарем.

Рыжий застыл и зажмурился.

– Явился... – проронил Илия. Он говорил с усилием, будто сдерживая ярость, но что-то безнадежное звучало в голосе, что казалось опаснее любой угрозы.

Свет соскользнул с лица, и Рыжий открыл глаза. Фонарь тлел тусклым пятном на мокрой траве – батарейка издыхала на глазах. Илия спешно обшаривал чье-то неподвижное тело. Левое предплечье лежащего было обмотано какой-то тряпкой, перекинутой через шею наподобие фиксирующей повязки. В другой руке был пистолет, но Илия не потрудился его вынуть; выбросил на траву зажигалку, пустой и снаряженный магазин, несколько патронов россыпью, половинку шоколадки в смятой фольге, шариковую ручку, еще какую-то мелочь.

Что-то буркнув, перевернул тело, чтобы добраться до заднего кармана. По телу пробежала дрожь. Илия вынул из подергивающейся руки пистолет, приставил лежащему меж лопаток и нажал на спуск. Раздался щелчок. Фонарь совсем погас, но глаза Рыжего уже притерпелись к потемкам, и он смотрел в оцепенении, как Илия поднимает с земли снаряженный магазин, заменяет пустой, передергивает затвор. Тело опять содрогнулось, на этот раз сильнее.

Задний карман оказался дырявым.

– Что ты ищешь? – отважился подать голос Рыжий.

– Что-нибудь – пластырь, шприц... До утра продержаться... До света, блин! – хохотнул Илия и взялся за левый бок, придерживая смех. Он был без куртки, темная клякса на мокрой футболке проступала из-под ладони.

– Ты ранен? Рейдеры?..

– Рейдеры, рейдеры... – Илия выпрямился, переводя дыхание. – А ты где был?

Он смотрел ему в лицо, Рыжий смотрел на его руку с пистолетом. Рука была опущена.

– Что молчишь? – Рука качнулась, или качнулся Илия.

– У Странника! – выпалил Рыжий, пряча от себя, страшась произнести имя. Затараторил, сбиваясь и повторяясь, боясь, что Илия прервет,

рассмеется. Но тот не перебивал. Дослушав, молчал. Кровавый язычок сползал по ребрам.

– Надо остановить... – не выдержал Рыжий. – Приложить чего-нибудь... Синец тут?.. – И, осекшись, договорил упавшим голосом: – Он траву собирал... кровохлебку.

– Тут, – Илия ответил с запозданием, словно выходя из задумчивости. – Все тут.

– А Надежда? – вдруг сообразил Рыжий.

– И Надежда. Нас только нет. Идем.

Рыжий двинулся за ним. Дождь тянул бесконечную заунывную ноту, холод промокшей одежды растекался по телу. Илия в своей майке дождя, казалось, не замечал, лишь походка его была скованной; одна рука на боку, другая, опущенная, – с пистолетом. Его заметно кренило влево, он спохватывался и выпрямлялся. Наверное, Рыжий смог бы вырвать у него пистолет, напав сзади, но эта мысль была стылой, как дождь, от которого немели руки и коченело в груди.

Они пересекли поляну, оставляя по сторонам разбросанные по ней продолговатые черные пятна, похожие на лежачие валуны. Их было много, больше чем обитателей становья, известных Рыжему. Но ни одно из них не оказалось слишком близко, и Рыжий не вглядывался, уставясь в маячившую впереди спину Илии, пока тот не остановился:

– Давай ты.

Рана мешает ему наклониться или присесть, подумал Рыжий. И он не уверен, что сможет встать.

Рыжий склонился к лежащему навзничь телу. Он не смотрел в лицо мертвеца, но, судя по отсутствию верхних пуговиц, это был Синец. Рыжий зашарил по карманам, надеясь не наткнуться на кровь. Отвлекал странный запах (тления? так быстро? но неприятным он не казался... похож на тот, что Рыжий ощутил у тела Инны). В боковом кармане спецовки нашелся размякший травяной ком.

– Вот! – вскочил. – Пластырь бы еще или скотч – примотать...

– Скотч, – задумчиво повторил Илия и наклонился, упершись руками в колени. Пистолет он не выпускал. – Вон там, – мотнул головой в сторону.

– Что?

– Автомат.

– Автомат?.. Зачем?

– Принеси.

Рыжий повернулся на одеревеневших ногах. Поодаль проступал силуэт еще одного тела.

– Не вижу... темно.

– Десять шагов. Найдешь.

Скрюченная кисть мертвеца стыла на траве рядом с выроненным пистолетом. Автомат валялся тут же, словно рейдера доби́ли из него в упор и бросили.

Рыжий взял его за цевье. Он подумал, что если передернуть затвор, Илия услышит. Или автомат уже на боевом взводе – но магазин пуст. Эти мысли не несли ничего, кроме смирения.

Он перехватил автомат, стараясь не попасть пальцем в спусковую скобу, нащупал спаренные магазины, стянутые скотчем.

Илия ждал в прежней позе, кровавое пятно на боку свисало к поясу и терялось на темном фоне брюк.

– Отдирай, – сказал он.

Рыжий пытался зацепить конец обмотки. Ногти скользили.

– Погоди-ка... – Илия забрал автомат и, отщелкнув магазины, бросил его на землю. – Зубами, – велел он и, сопя, задрал футболку.

Рыжему удалось закусить край скотча. Трескучая лента оказалась короче, чем он ожидал, и не липла на мокрое тело. Рыжий разорвал майку Илии и стянул концы узлом, прижав клочок травы к ране. Трава быстро пропиталась кровью и слиплась в комок.

– Глянь, может, у него еще есть? – процедил Илия.

Рыжий склонился к телу Синца и опять уловил запах – тонкий, странно тоскливый и радостный одновременно. Это точно не был запах тлена.

Он коснулся одежды: ткань спецовки подалась под его пальцами и пропустила их. И вновь сомкнулась, когда Рыжий отдернул руку и отскочил.

– Ну, чего там? – повернул голову Илия.

– Он...

– Что?

– Я не... – Рыжий в ошеломлении тер пальцы, стараясь изгнать из них ощущение от прикосновения – чужое, знобящее. Он боялся смотреть на тело.

Но Илия смотрел, и Рыжий оглянулся.

Силуэт мертвеца бледнел, все контрастнее проступая на темной траве. Тело, словно вылепленное из тумана, наливалось изнутри тихим брезжащим светом. Свет пробивался сквозь кожу сквозь одежду, обозначая ее складки и детали. В размытом пятне лица все отчетливее проступали черты целителя, и Рыжий внутренне сжался, ожидая встретить взгляд мертвеца.

Движение рядом вывело его из оцепенения: Илия уходил. Его походка была дерганой и шаткой, рука с пистолетом моталась не в такт, нарушая равновесие, но видно было, что он побежал бы, если б мог бежать. В смятении Рыжий устремился следом, но через пару шагов оглянулся, будто остановленный взглядом в спину.

Ясное, подсвеченное сиянием лицо Синца было обращено к тучам. Ноздри шевельнулись, вбирая воздух, дрогнули веки и глаза распахнулись навстречу дождю; Рыжий видел, как искрятся в них дробящиеся капли. Взгляд Синца был устремлен ввысь, будто искал просвет в завесе ночного неба. Глаза отсверкнули, как если бы в них отразилось солнце еще не наступившего, грядущего дня, и образ целителя начал размываться, утрачивая телесность, стал прозрачным, совсем исчез. Остался лишь свет в форме человеческого тела; Рыжий успел различить примятые стебельки травы – теперь они вздрагивали под ударами капель, сиюсья распрямиться. В ноздри плеснул запах. Он напоминал аромат распускающихся тополей после майской грозы, только стократ сильнее – пьянящий, сбивающий дыхание, как порыв ветра, срывающий тебя с земли.

Сияние погасло, оставив дождь, холод, ночь.

Какое-то время в глазах еще брезжил призрачный человеческий силуэт, проекция света на темном экране ненастного мира. Но и он померк.

Рыжий повернулся и побрел за Илией. Он уже потерял его из виду, но знал, где искать.

Боковым зрением он отмечал всполохи, расцветающие и гаснущие на месте темных пятен, принятых им раньше за камни. Рыжий знал,

что если оглянется, то не увидит уже ничего, и лишь ловил обрывки невыразимо манящего, светлого, печального запаха, что долетали то с одной, то с другой стороны и сразу угасали, словно брел он между невидимых клумб, засаженных внезапно расцветающими и тут же увядающими растениями.

Запах то казался мучительно знакомым, родным, то непостижимо нездешним, неземным, а то и не запахом вовсе – бесплотным дуновением, от которого в сердце занималась теплая дрожь и хотелось и счастливо заплакать, хотелось вдыхать и выдыхать... и не хватало, обрывалось.

Еще один рейдер лежал в двух метрах от входа в лачужку.

Надежду Рыжий не застал – лишь уходящее сияние. Илия притулился сбоку, вытянув руку, как бы желая обнять призрачный силуэт и боясь прикоснуться. Ладонь подрагивала на весу – все темнее и темнее, как над гаснущим костром.

Погасло. Шуршал дождь.

– Залезай, – наконец подал голос Илия.

Рыжий заполз в будку, стараясь не задеть его.

– Ну вот, – проговорил Илия. – Отсияли.

Рыжий молчал, не знал, что сказать. Внутри еще таяли остатки аромата, заглушаемые запахом мокрой одежды, пота и крови.

– Теперь проще. – Илия закричал, протискивая руку в карман джинсов.

– Что проще?

– А всё. – Он нащупал что-то в кармане, сунул в рот, хрупнул зубами.

– Таблетка, что ли? – спросил Рыжий. – Откуда?

– Нашел-таки у одного.

– А вдруг отравы?

– Стал бы он отраву с собой таскать. Берег, как беспризорник огрызок шоколадки. Вон, фольги накрутил... – Илия пошуршал пальцами и щелчком отправил за порог невидимый комок. – Видно, не все еще склады разграбили.

– Стимулятор, что ли, какой?

– Уж точно не аспирин. Сейчас пойдем.

Они помолчали.

– Ну как, действует? – не вытерпел Рыжий.

– Бодрит маленько... Жаль, одна всего, до утра берег.

– Почему до утра?

– Могилу копать. Думал по-людски ее – в землю, при свете. А до утра дожить надо, да чтоб руки шевелились, вот и берег – хоть какая-то подпорка. А теперь, видишь, ничего и не надо – ни могилы, ни утра, ни крововхлебки твоей... Все просто.

– Да что просто?

– Ладно, помолчи.

Дождь ослабел и едва накрапывал. Рыжий слушал дыхание Илии. Кажется, оно становилось ровнее.

– Ушел дух, – пошевелился Илия.

– Какой дух? – встрепенулся Рыжий. – А, ты про запах...

– Запах – это от нас с тобой. Вонь попросту. А то – дух! – голос Илии изменился, в нем позванивала свежая сила.

– В смысле – святости? – попытался подыграть Рыжий. Он помнил про пистолет Илии и гадал, что за таблетку тот выпил и куда смотрит ствол в темноте.

– Святости? Хм... – Илия оказался не готов к этой мысли. – А что, говорят же, что мощи святых через благоухание являют присутствие Духа... Только мощей-то вот не осталось. – Подумал еще. – Значит, они им еще понадобятся – тела.

– Где? В святости?

– Святости, не святость... Я не знаю, что это такое. Куда они уходят... такие? Сколько им еще идти – до святости или до чего там, дойдут ли? Не спросишь, далеко ушли.

Напряжение в его голосе спало, появилась добродушная расслабленность.

– А нам теперь что же? – спросил Рыжий.

– И нам пора.

– Куда? За ними? За святостью?..

– Может, и за святостью. Кому как. Главное, чтоб отсюда.

– Ты про путь, что ли?

– Про все... про все...

Илия откинулся на спину, замолчал. Его дыхание стало совсем тихим.

Рыжий боялся, что Илия уснет и случайно выстрелит в темноте. Или умрет, а он не заметит, и будет сидеть рядом с мертвым.

– Давай перевяжем еще, – сказал он. – Потуже...

Он протянул руку в темноте, Илия встретил ее своей. В его руке был пистолет.

Рыжий медленно отстранился.

– А если нет никакого пути? – спросил он.

– Должен быть. Странник не зря всех позвал – кроме нас с тобой.

– Позвал? Куда?

– В дорогу, надо понимать.

– Да что тут было-то?

– Что было? – Илия подумал. – Если б я знал... Надежда в твоей будке сидела, ладонь на лбу держала. Ты метался, бредил, бормотал что-то. Потом затих вроде. А она все сидит, руку не убирает, шепчет что-то, а ты вроде как отвечаешь – мне снаружи не разобрать... Долго, стемнело уже. Я у входа потоптался, курточку на землю постелил, к жерди прислонился. Задремал, видно. Это они тут не спят, не едят, вообще не поймешь, чем живут, а мы-то с тобой – отсталые... Очнулся – стемнело, дождик накрапывает. И Надежда уходит, на середине поляны уже. Куда ты – окликнул. Молчит, не слышит. И в разных концах становья остальные возникают, как тени, тянутся к кострищу. Ну, я понял – Странник позвал. Когда еще их всех сразу увидишь. Так и раньше бывало: сбредутся молча и стоят, молчат. Что-то вроде проповеди, только без слов и без пастыря. Но это со стороны, они-то его и слышат, и видят – встанут в кружок, внимают. Потом расходятся. Вот и в этот раз... – Илия помолчал. – Надежда уходила, уходила, я вслед смотрел. Уже почти дошла, силуэт размылся в потемках, и остальные к кострищу стянулись – не разглядишь, где кто. Ну, общайтесь, думаю, раз вам дождь нипочем, а я пока Лиса потесню, чего мокнуть. Заполз в твою в конуру. Только тебя в ней не было. Я и решил, что ты тоже там, со всеми. Не услышал, как ты уходил... Ладно, мне места больше. Прилег, дерюжка еще теплая была... может, опять задремал. Потом затрещало, я сперва подумал – гроза. Только кричат почему?.. И когда выглянул из будки, молния полыхнула, я и увидел, что все уже кончено. Рейдеров трое было. Один, с автоматом, шел сюда, к будке; за спиной у него посверкивали огоньки –

двое других шарили по поляне с фонарями, добивали. Что-то кричали друг дружке, взвинченные стрельбой, кровью, грозой.

Тот, что шел к будке, остановился шагов за двадцать и стал вглядываться. Я вжался в дальний угол. Он положил фонарь в траву и отсоединил магазин, чтобы сменить на свежий. Я выдавил фанеру в задней стенке, умудрившись не обрушить всю будку, и выбрался наружу с другого конца. Дождь, выкрики, раскаты грома заглушили возню. Когда рейдер сунул ствол в будку, я оказался рядом. Он успел крикнуть, но у тех двоих были пистолеты, а у меня АК с полным магазином. И они не догадались потушить фонари. Задели, правда, но терпимо. Я Надежду нашел, отнес в будку...

Илия помолчал, потом сказал:

– Вот и все, Лис.

Словно дочитал ребенку положенную сказку перед сном и захлопнул книжку.

Темнота снаружи стала пожиже, приближался рассвет. Дыхание Илии было едва различимым в шорохе дождя.

– Так, выходит, Странник их нарочно собрал? – спросил Рыжий. – То есть знал про рейдеров и позвал – на расстрел?

– В дорогу он их позвал. Отбыли тут свое, дальше пора.

– А сам-то? – не слышал Рыжий, в нем поднимались бессилие и злость. – Сам он там был? Его-то убили? Ты точно не разглядел?

– Я его ни разу не видел, – усмехнулся в потемках Илия. – Только и знаю от них, от прибывших. Они искали – потому и оказались тут. С ними он и мог говорить, с каждым по готовности его, на его языке. Лучезару – про дырки в сыре. Нему – про гимны небесные. Синцу – про зовы божьи, тайные, в каждой былинке скрытые. Профессор и тот через отрицание свое, от себя таясь, веры искал, откровения... Инна – наособицу, а тоже на проповеди ходила. Не знаю, что ей, может – про любовь вечную. Каждый в нем находил – чтоб дальше идти... А я ничего не искал, за Надеждой шел, не мог ее одну отпустить. Большого мне не надо. Он со мной и не общался – видно, сказать-то нечего.

– Да кто же он, этот Странник? – выплеснулось у Рыжего, как гной из нарыва.

– А ты не догадываешься? Ты-то *его* видел.

Да, сказал себе Рыжий.

Нет, сказал он себе, этого не может быть.

Потому что, если это так, эта ночь никогда не кончится, даже если он переживет ее. Она растянется на всю его жизнь.

– Я сбежал, – произнес вслух. – Я его предал.

– Ты?! – Илия булькнул болезненным смехом. – Кто ты такой, чтобы предать *его*! Отступник Лис!.. Уморил!..

Поперхнулся, выталкивая последний смешок. Отдышавшись, сказал как о чем-то решенном:

– Ты вернешься.

– Куда?

– Назад. И к *нему* тоже.

– Откуда ты знаешь? – спросил Рыжий, и опять подумал про эту ночь, которая не отпустит его никогда.

– Да оттуда, что ты *его* видел, призвал *он* тебя. Призвать призвал, но с собой не взял вместе с другими. Но и от рейдеров отвел, погибнуть не дал. Значит, рано тебе дальше, не готов ты за *ним* идти. И здесь делать больше нечего. Так что назад пора, пожить еще придется.

– Готов, не готов... Да зачем я здесь оказался? Зачем я *ему* – неготовый? Таких, как я...

– А с чего ты решил, что ты один такой. Откуда нам знать, сколько у него таких становий, в скольких мирах? Сколько таких, как ты или тот же Божен, не готовых, в них заскочили да и назад вернулись? Много званых, да мало избранных – не *его* ли слова... И живут. Кто вспомнить боится, кто в сомнениях мечется, созревает до поры, а кто путь ищет – тот, земной, что на земле не кончается. Я вот все гадаю: тот *светлый*, что Надежде в бреду являлся и под машиной погиб, – кто он был? Адепт? Посланник? Или...

Илия помолчал. Вернулся:

– Вот и тебе, думаю, *он* показать хотел, что есть еще что-то, помимо прочего... – запнулся, подбирая слово, – человеческого. А уж зачем – *сам* тебе скажет, когда-нибудь. А пока – назад тебе надо.

– Да как же мне – назад?

Илия не ответил.

– Постой... – похолодел Рыжий, – так ты потому опять Божена упомянул? Который в болоте сгинул?

– Не нашли его, – вяло отозвался Илия.

– Хочешь, чтобы и меня не нашли?

– А кому тебя искать. Кончилось становье. Будешь тут один куковать?

– Почему один? А ты? Тебя-то *он* почему здесь оставил?

– Почему да почему. Тебя вот встретить, – хмыкнул Илия. – Чтоб не заскучал тут... с рейдерами.

– Выходит, *он* тебя и под пули подставил?

– Ничего, быстрее догоню.

– Догонишь?..

– Ладно, устал я с тобой... Руку дай. Держи вот, – в ладонь Рыжего влипло мелкое, ребристое. – С церквушки вашей снял, все хотел тебе отдать, да случая не было. Может, потому и жив еще... Теперь тебе нужнее.

Крестик был в крови, как и пальцы Илии.

Дождь припустил опять, громыхнуло.

– Все, разбежаться пора. Таблетка кончается. Да, вот еще... Никакой я не Илия. Это я тут наслушался всего поначалу, вот и почудилось, будто с мягким знаком жидковато как-то. А Илия, мол, куда как возвышенно, опять же и вопрос в нем, смыслы тайные... Надежда вот не меняла, у нее имя вечное. А я купился как мальчишка. Только глупости всё, нет у меня никаких вопросов, и смыслы мне не нужны. Просто Илья – так и запомни.

Порыв ветра просквозил будку от входа до дыры в задней стенке, забросив внутрь пригоршню брызг.

– Ну, все, иди.

Илья с кряхтением сел, задев стенку, лачужка содрогнулась.

– Иди, – сказал он изменившимся голосом. – Пока с собой не забрал.

– Куда? – опешил Рыжий.

– Беги! – просипел Илия и выстрелил. В темноте полыхнуло, Рыжего выбросило из будки точно пружиной.

Дождь и ветер облепили его. Оглохший и ослепший, он прополз несколько шагов на четвереньках. Стал подниматься, и тут опять полыхнуло, сквозь рябь в глазах, – везде и страшно. Земля вздрогнула, удар грома пробил глухоту, Рыжего качнуло шквалом, и он побежал через поляну к лесу. Добежав до опушки, наткнулся в потемках на дерево, сполз по стволу

Сладкое бессилие охватило его, маня забытьем, младенческой безмятежной отрешенностью, защитой от страха и боли, от мира, от себя. Не вставать, не шевелиться, не открывать глаза. Пусть бушует где-то гроза, пусть скулит чья-то лодыжка и саднят ободранные о кору руки, пусть гремит гром, за которым не различить звук выстрела. Не ждать, не слышать, не помнить. Утонуть в забытьи, раствориться, исчезнуть и, может быть, очнуться в детской коляске, оттого что качнулась слишком резко – ее перекатывают через порог, туда, где теплые запахи и родные голоса, и впереди только хорошее...

Он очнулся от боли в лодыжке, с трудом заставил подняться застывшее тело. Крестик выскользнул из разжатого кулака; сердце захолонуло – мог не заметить, потерять... Распутал сбереженный шнурок, наживил колечко, заправил крестик под майку. Перекрестился, впервые в жизни, кажется. Еще раз на всякий случай. И еще – для надежности, чтоб три раза. Выглянул с опушки.

Над становьем всходило солнце, в рассветном тумане пятнами проступали трупы рейнджеров – два за кострищем, неподалеку друг от друга, третий – на другой стороне поляны, у самой лачужки. Они остались здесь, подумал Рыжий, в своем мире. Скоро начнут вонять. Но его здесь не будет. Не должно быть.

Внутренность лачужки скрывала тень, и Рыжий долго вслушивался, пытаясь вспомнить, уловил ли он звук выстрела в раскатах грома.

Хотел верить, что выстрел был – еще один, последний. Что Илья не лежит там, внутри, еще живой и беспомощный, истекая остатками крови. Не содрогается в агонии. Не застыл в посмертном окоченении и по глазам его не ползают муравьи.

Потому что он не сможет помочь ему. Не сможет добить. Даже похоронить не сможет.

Илья там нет.

Отсиял.

Ушел за Надеждой.

Он выломал палку из тонкой березки, чтобы опираться при ходьбе. Отдирая ветки, подумал, что палка длинновата, хотел укоротить и оставил. Это шест. Он пойдет по трясине.

Дорогу к болоту он помнил смутно, но знал примерное направление и что это где-то недалеко. С палкой идти было не так больно, ходьба согревала. Бодрили всплески солнца над головой и собственная дерзость, бесповоротность выбора.

Нога потихоньку разошлась и не болела почти, словно рада была скорей попасть вместе с хозяином в правильное место. Добрый знак, обнадеживался Рыжий. Там лечи – не зря Синец говорил. Илья вон тоже... Долго ж ты запрягал, ну ничего, теперь уж точно, да, точно... Его подталкивало нетерпение; даже прибавил ходу, чтобы не растерять заряд решимости.

Обходя толстую, в лохмотьях лишайника валежину, зацепился взглядом за надломленную ветку, вдавленную в лесную подстилку. Слом был свежий. Да и саму валежину он вроде бы видел. А вот и след от палки... Для сравнения ковырнул рядом влажный еще опад.

Он был здесь. Он идет назад.

Нога обманула его, поразился Рыжий. Прикинулась здоровой и уводила обратно, к становью. Вот тебе и добрый знак.

Ты сам рад обманываться, обозлился на себя. Не болит – и разнежился. Думаешь, раз ты решил, так теперь все само собой как по маслу – без страха, без боли... По гладенькой дорожке... А страх-то никуда не делся, в тебе сидит, затаился поглубже и рулит втихую. Ага, по гладенькой дорожке...

Рыжий развернулся и пошел по своему следу, но быстро его потерял. Отпечатки подошв не держались на плотной подстилке, а отметины от палки приходилось искать нагнувшись, и все равно они были обманчивы. Он попытался хотя бы приблизительно представить, в какой стороне становье, и двинулся в противоположном направлении, стараясь не отклоняться.

Через пять минут он брел, через десять уже ковылял.

Поехали, поехали... по гладенькой дорожке... – неотвязно вертелось в мозгу. Это из детства, бабушка качала внучонка на ноге, припевая... Кажется, болел тогда...

Через двадцать минут он едва тащился, с передышками, пытаясь переступить только палкой и здоровой ногой.

По гладенькой дорожке...

(Шаг ногой, шаг палкой. Больную ногу тихонечко...)

По камешкам, по камешкам... (Сейчас он повернет и пойдет назад. Куда стремится нога. Где она не болит.) *По камешкам...*

Как там дальше?

По ухабам, по ухабам... по оврагам...

Нет, не так... ты пропустил...

По кочкам... по кочкам...

Вот и они.

Он увидел их в просвете орешника. Протиснулся через кустарник.

Да, то самое место. Вот здесь они сидели с Ильей – трухлявый пенек, поваленный ствол рядом. Ветка, которой Илия отмахивался от комаров; листья на ней пожухли.

Что дальше?

Рыжий уставился на травяные бугорки с торчащими зелеными ершиками, разбросанные по тихой темной глади. В прошлый раз здесь были просто отдельные лужи, теперь они расползлись, соединяясь проливами; вода поднялась после ночного ливня. К лесной свежести примешивался застойно-гнилостный запах, и Рыжий опять подумал про трупы рейдеров. Он к ним не вернется, ни к мертвым, ни к живым.

Может, поискать обход? С больной ногой? Не зная, в какую сторону идти и как далеко тянется болото? А тут метров двадцать всего-то – вон он, лес, на той стороне...

А главное, здесь прошел Божен. Пришел сюда и ушел отсюда. Илья прямо об этом не утверждал, но не зря же таскал сюда Рыжего, не за орехами. И потом на эту сторону Божен точно пришел через болото. Значит, перебраться можно.

Солнце поднялось над деревьями, согревая и раскрашивая мир. Зеленые островки, разбросанные по тихой воде, цвели в его лучах, напоминая таинственный архипелаг в океане. Рыжий видел в интернете такой снимок, сделанный с самолета где-то в теплых морях.

От этого воспоминания заныло в груди – сейчас он очнется от этого безмятежного солнечного кошмара и обнаружит себя дома, в расшатанном кресле перед компьютером, сидя в котором, он тысячи раз гулял по свету, без риска переживая самые драматические приключения... Он почти поверил в это и посмеялся над собой.

Он ничего не знал о болотах, но ясно, что надо идти по кочкам. Их много, они недалеко друг от друга и выглядят вполне надежными. Они и должны быть надежными, раз Божен тащил по ним велосипед. И почти дотащил – когда шел сюда, и на обратном пути с собой прихватил, не бросил. Видимо, решил, что надо лишь миновать опасное место, где он первый раз ухнул, а дальше кочки выдержат, проверено. Знать бы еще, где оно, это место...

Рыжий судорожно вздохнул, собирая всю свою решимость. Попробовал ступить на правую ногу. То ли он притерпелся к боли, то ли нога отдохнула и как будто слушалась. Болела, конечно, ну, боли, боли – не пожалею.

Все чего-то ждал. Не забыл ли чего? Смешно. Что он тут может забыть, кроме березовой палки. Присесть на дорожку? Бабушка всегда напоминала, провозая их на юг, к морю... Не стоит – придется встать. Она еще крестила их на дорогу.

Перекрестился, потревожив вьющихся у лица комаров. (Не кусают, и черт с ними, лишь бы в глаза не лезли... прости, Господи.) Еще и еще, для верности.

Ну, хватит тянуть.

Тыча перед собой палкой, Рыжий выбрался на мысок; мертвая слежавшаяся трава пружинила под ногами, здесь, у воды, влажно почавкивала.

До ближайшей кочки он мог бы почти дошагнуть, порезче оттолкнувшись. Но приземляться придется на больную ногу, готовься... Рыжий вдавил шест до упора в мягкую почву, ухватился покрепче и оттолкнулся руками и левой ногой. Правая лодыжка взвыла под тяжестью тела, но он уже стоял на обеих ногах, утопая по щиколотку в шуршащей травяной подушке.

Вот и технология, подбодрил себя, переживая пик боль. Да не так уж и больно, просто надо не спеша, с оглядкой. Осторожно подтянул к себе палку.

Следующий пролет шире, метра два, но и кочка поосновательнее, выглядит вполне гостеприимно. Далековато все же. Если положить шест на обе кочки, по длине как раз, и держась за него... Ни за что. Он и купаться мог только в прозрачном море или в бассейне, его в речку-то не загонишь – там сплошные коряги да железяки и не видно ни черта. А уж здесь-то... Он не знает, что за хрень таится под слоем тихой черной воды, и знать не хочет.

Рыжий опустил шест в воду в направлении прыжка, нащупывая упор в основании кочки, на которой стоял. Продавив вязкую массу, палка уткнулась во что-то твердое. Какая-нибудь коряга или затопленный ствол, подумал он. Или камень. Или грунт. Или что тут вообще под ногами, хрен его знает. Не соскользнула бы. Проверить, надавив как следует, он не мог, держа шест на вытянутых руках. Пошатал из стороны в сторону, вроде не ерзает.

Взялся повыше, оттолкнулся, повис. Шест замедлился, описывая дугу, что-то хрупнуло, палка содрогнулась и просела, пробивая опору; ее повело вбок. Мгновение Рыжий был уверен, что плюхнется в болото, но палка, заглубившись, вновь уткнулась во что-то твердое и, довершая траекторию, не отклонилась далеко; отчаянно изогнувшись и волоча за собой шлейф мошкары, он попал-таки ногами на кочку. Кое-как выпрямился, перехватываясь по шесту.

Он осторожно развернулся вокруг здоровой ноги; просевшая дерновина хлюпала, но держала. Сердце колотилось, руки дрожали. Ноги

тоже дрожали, особенно здоровая, работавшая за двоих. Надо вытащить шест. Эта чертова палка чуть его не угробила, но она его все.

Дальний конец шеста крепко засел в грунте, похоже, застрял между корягами и не поддавался. Расшатать его, стоя на кочке, не получилось, не хватала размаха, но Рыжий сумел повернуть его вокруг оси и наконец сдвинул с места. Тянулось с усилием, шест зацепил что-то и тащил из трясины, похоже, не корягу, что-то более компактное... Череп, пронзила дикая мысль. Рыжий вспомнил, как хрупнула под ним палка, протыкая невидимую опору.

череп Божена

Этого не может быть, он не пролежал столько... А ты знаешь, сколько он пролежал? Ну, не череп, так голова... Ерунда! Он затряс головой, распугивая комаров. Если даже и так, что теперь – пойдешь назад? Тяни давай.

Он испытал облегчение, когда неведомая помеха сорвалась, так и не появившись на глаза, и конец шеста показался над водой, облепленный жидкой тинистой массой.

Хорошо бы дать отдых ногам, но, стоя на кочке, не получится. И сесть невозможно. Надо идти дальше, пока есть силы передвигаться и терпеть боль. Самое опасное место он миновал (*в отличие от Божена?*). Не думай об этом, не смей.

Рыжий поглядел вперед, оценивая оставшийся путь. Берег оказался ближе, чем он ожидал, – перед кромкой леса тянулась чистая, без подозрительных луж, полоса травы. Ему даже почудилось что-то вроде тропинки, ведущей от опушки к упавшей в болото лесине (хотя кому тут ходить, кроме лесных зверюшек...). Гнилой ствол с торчащими огрызками сучьев вдавался в болото притопленной вершиной, образуя подобие мостков. Это упрощало задачу.

Надо дойти вон до той засохшей сосенки, ее корневище выступает из воды, значит, опора надежная. Оттуда он переберется на это теплое дерево. Между ними, правда, здоровенная мочажина, метра три воды, и кочек подходящих вокруг не видно, не обойти, но он уже приноровился, перемахнет. Дерево хоть и гнилое, но не насквозь же, не развалится. Ну, просядет, не страшно, он будет держаться за сучья и выберется по стволу.

К сосенке Рыжий подобрался без происшествий, здесь кочки были натканы чаще; когда бы не нога, он прошел бы по ним гуляючи, а так приходилось подпираться шестом.

Он ступил на кочку с сосенкой и, держась за сухой ствол, потянул за собой палку, увязшую в трясине. Ствол качнулся с пугающей легкостью, кочка под ногами накренилась и просела. Рыжий инстинктивно навалился на шест, выправляя крен, и кочка сдвинулась по воде в противоположную сторону. Он успел оттолкнуться от шеста, чтобы не рухнуть в трясину, и теперь до него было не дотянуться. Кочка вздрогнула, словно остановленная невидимым якорем, и начала погружаться; сосенка выпрямилась и качнулась в обратную сторону, и Рыжий ощутил, как вода заливает ноги и выворачивается из-под подошв хлипкий узелок корневища.

Притопленное дерево маячило на краю зрения, такое близкое в своей космической недостижимости, – Рыжий и не пытался, он смотрел в воду, в рябящую черную гладь. Она наклонилась ему навстречу, и на поверхность выпрыгнул солнечный блик. Он дробился, кипел, как шипучая таблетка, и не таял – разрастался, застилая обзор.

Это не Рыжий (он смотрел, замороженный, в сияющую бездну), кто-то другой за него отдал приказ телу, или тело само попыталось спастись – оттолкнулось от углой опоры, стараясь скользнуть по воде плашмя как можно дальше, к дереву. Но толчок не удался, ноги соскользнули в какую-то вязкую жижу, потянув за собой туловище, и Рыжий провалился в черноту.

Он рванулся наверх, успел высунуть голову из воды и глотнуть воздуха. Ноги увязли глубже и потащили назад. Колотя руками, он наткнулся под водой на какую-то ветку, подтянулся и почти вытащил одну ногу из вязкого плена. Ветка сломалась, но подвернулась другая, целый сук, он вызволил-таки здоровую ногу и увяз ею снова, вытягивая вторую. Воздух в легких кончился, в панике Рыжий опять рванулся и, увязая глубже, ощутил под подошвой что-то жесткое и узкое. Наступив на него, вырвал из трясины одну ногу, потеряв при этом кроссовку и рассадив голень о какую-то корягу. Заваливаясь в воде вперед, ухватился на нее, скользкую, рогатую и неожиданно твердую, как железяка, облепленная тиной. Помогая руками, поставил на нее свободную ногу и, уже захлебываясь, выдернул из трясины вторую и вырвался на поверхность. Давясь и кашляя, забил руками, дробя черное зеркало, словно пытался взлететь с поджатыми по-птичььи ногами, и опять ухнул с головой. Темнота сомкнулось над ним, оставив слабый брезжащий блик. Захлебываясь водой и рвотой, он бил руками, хватался на какие-то ветки, они ломались, и тьма поворачивалась, следя неотступным бледным оком, а он все хватался, тянулся на этот бедный негаснущий свет.

– ...Может, повернуть его?

– Хочешь рожу подпалить? Вон как раскочегарили – и ахнуть успеешь.

Живой, медленно докатилось до сознания Рыжего.

Он лежал на боку, лицом к опушке, и ощущал спиной жар и видел тень от себя и блики от костра на деревьях. Кажется, он уже видел эти деревья с болота, но теперь, в сумерках и лежа прямо под ними, не был уверен. Кто эти позади него? Спасители? Рейдеры? Перешел он болото или нет?

Во рту стоял вкус тины и рвоты, но лицо и руки были чистым, будто его окатили водой и обтерли. Одежда была влажной, лишь куртка на спине уже подсохла и прижигала кожу. И не было сил повернуться, подать голос – словно проглоченная черная жижа разлилась по всему телу, сковала свинцовой немощью.

– А может, повернем? Вон пар от спины идет.

– Лучше, чем рожа горелая. Видал таких? А я видал.

Голоса тревожили, бередили память, или не голоса – сказанное?..

– А спина пусть прогреется. И от простуды хорошо, и вообще. Припечат – скорей оклемается.

– Ну-ну, эскулап... Ладно, хоть головешки подвину.

Сзади поворошили в костре, жар ослаб.

– Долго он чего-то... – сказал первый голос. – Совсемдохлый будто, только что дышит.

– Ничего себедохлый – в палку-то вцепился, еле вырвали.

– А с тех пор и лежит, не шелохнется.

– Это от страху.

– Чего от страху? Проснуться боится?

– Или не проснуться.

– А-а...

Что-то приближалось, шурша по траве и поскрипывая. Мягко звякнуло металлом о дерево.

– Ездит? – спросил первый голос. – Не убили в темноте-то?

– С фонариком нормально, – ответил кто-то третий. – От тины отмыл, руль выправил – везет как новенький. Жаль, насоса нет, камеры слабоваты. Да гайки подтянуть бы еще. А так хорошая машина. Но в хозяйстве бесполезная. Много ней не увезешь – так только, для покатушек.

– У тебя одно хозяйство на уме. Не все ж такие практичные, кому-то и покатушки – по молодости. Да и для здоровья опять же.

– Ага, вот он и лежит, оздоровился.

– А может, это и не его велосипед, – еще один голос, благозвучный, приятно расслабленный. – Может, хозяин в болоте лежит... Глотнете?

– Хватит мне... Ты это серьезно?

– Да не слушайте вы его, – сердито-усталый голос. – Это ученый юмор такой. Не привыкли еще? Я привык.

– А-а... Он со всеми так шутит?

– Со студентами особенно. А тем куда деваться.

– Дозированный юмор, – благозвучный голос на секунду прервался, сладко выдохнул, – освежает восприятие. Что, в свою очередь, помогает усвоить материал и трезво оценить факты. Вот в нашем случае – кто вам сказал, что он был один? Может, просто повезло ему – последний тонул, мы застали и успели вытащить, а остальные к тому времени уже...

– Ну и где твои факты? – уличил сердитый оппонент. – Полболота шестью истыкали, только велосипед и нашли.

– Разве тут все протычешь. Может, там дальше еще один труп. И еще один велосипед. Или не один.

– Нелогично!

– Ага, поэт взывает к логике...

– К ней самой. А логика говорит: один идиот на велосипеде – еще куда ни шло. Но чтоб двое или целая компания на велосипедах по болоту!..

– Идиотизм заразителен, – опять задержка дыхания, глоток, выдох. – Коллективный психоз, аберрация сознания...

– Ну да, у нас у всех аберрация, у тебя одного трезвый взгляд.

– Озноб пробирает от ваших шуток, – укорил женский голос. – Философ, о православии да о святых книжки пишете, а тут ради красного словца...

– Каюсь, каюсь... Что поделаешь, одна из базовых черт русской ментальности, – к благодушию в голосе подмешались патетические нотки. – Во всем – через край! Наш путь, наш крест, наша энигма...

– Закрой уж фляжечку, – посоветовал оппонент, – пока не совсем через край.

– Меру знаем.

– Вот и ладно, а то утром грибов не разглядишь. Чайку вот заварим, да погуше...

За спиной Рыжего возникло движение, на деревья упала неясная тень.

– Не усну теперь, – пожаловался женский голос. – Думала подремать до света, а тут эти разговоры. Так и кажется, будто кто-то там, в трясине, на самом дне, лежит и зовет, зовет...

– Зовет?.. – рассеянно отозвалась другая женщина.

– Наверняка приснится. Еще во сне и в болото нырну, спасти полезу, чего доброго... А ты все переживаешь? Не ловит?

– Сигнал странный какой-то. То появится чуть живой, то совсем исчезнет... как с другой планеты.

– Ну и брось, только зря батарейку посадишь.

– Да как бросишь? Он думал, успеет, да эта чертова работа его, вечно что-нибудь непредвиденное... Место он примерно представляет, хотел с дороги позвонить, и тут нас догнать. Наверняка и подъехал уже, а где искать не знает. Вот и тычусь – вдруг прозвонимся...

– Утром выйдем на место, там ловит. Найдется. Побереги батарейку.

Рыжий лежал неподвижно, без сил и воли. Голоса проходили сквозь сердце, от них наворачивались слезы.

– Заварка поспела, – оповестил оппонент философа. – Кому чифирьку? Может, и парнишке горяченького, а, медицина? Или чего покрепче ему?

– И того и другого, – постановил второй голос. – Из фляжки и заварки чистой – пополам.

– Не круто?

– В самый раз будет.

– Ну, как скажешь.

– Да вы обалдели, мужики! Совсем еще мальчишка, нашли лекарство!

– Тихо, тихо, дамы. Вот и хорошо, что молодой. Пусть тряхнет его как следует, залежался, разнежился.

Рыжий услышал шаги и зажмурился.

– Прошу посторонних покинуть операционную!

– Не обварите там!.. Придержите крепче!

Кто-то присел напротив и взял его за подбородок, раздвигая челюсти. Кружка прижгла губы, во рту полыхнуло. Рыжий рванулся, но чужие руки стиснули голову, пламя пролилось в горло и хлынуло внутрь, выжигая черноту.

– ...Просыпайся, пора.

Рыжий сел на хрустящих ветках, прикрытых полиэтиленовой пленкой. Занимался тусклый рассвет, в воздухе висела мелкая морось, дымился туман над болотом, дымился прогоревший костер. На обгорелой рогульке торчала кроссовка.

Человек в толстовке с капюшоном стоял у костра и давил палкой непогасшие угли.

– Водички хочешь? – выудил из кармана пластиковую бутылочку.

– Спасибо, – прошепелявил Рыжий, отпив. – Это вы меня спасли?

– Мы, мы. Ну-ка, – человек в толстовке потянул пленку из-под Рыжего; тот поневоле поднялся, стоял босиком.

Вокруг костра он не увидел никаких следов ночной компании: ни банок, ни пакетов, ни окурков. И этот человек был совсем без вещей, налегке, будто ехал мимо и вышел в лесок поразмяться, а рядом, на шоссе, стоит его машина.

Ошпаренные губы болели, язык и небо начали облезать, в ушах позванивало, но в целом, Рыжий чувствовал себя не так уж плохо. Одежда почти высохла, и нога пока не беспокоила. Правда, чесались руки и шея, накусанные комарами. Но главное, ушло то жуткое ощущение проглоченной болотной жижи, пропитавшей все тело черноты, одно воспоминание о котором тяготило, как неостывший еще ночной кошмар.

Может, и вправду пригрезилось – как эти ночные голоса...

Человек у костра был один.

– А вы... кто?

– Грибник.

Не называет имени, подумал Рыжий. Он не узнавал этого человека, но лицо его, ускользающее в рассветной хмари, в тенях капюшона, смутно кого-то напоминало, и неузнавание тревожило. Как если бы встретил кого-то через много лет и не мог вспомнить – виделись ли когда, друг это, враг? Рыжий поймал себя на том, что избегает заглядывать в это лицо, отводит глаза.

– Доедешь, – грибник качнул головой. Рыжий обернулся и увидел велосипед, укрытый от дождя под деревом. – Тут подальше, за мыском, просека. Заросла, но проедешь до грунтовки. А там и на трассу. Разберешься. Кроссовку не забудь. А босую ногу замотай, – вытянул из кармана какую-то тряпицу, сунул Рыжему, – а то педали с шипами. Ладно, пора мне.

– А вы куда?

– Своих догонять.

Значит, не пригрезилось.

– Вперед ушли. Забредут еще без меня... – Грибник накинул полиэтилен на плечи и шагнул с из-под деревьев. Дождик как будто повеселел, по прозрачной пленке заскользили, запрыгали влажные блики.

– Погодите! – решил Рыжий.

Грибник обернулся. Встающее из-за леса солнце плавило туманную хмарь, высвечивая его фигуру в ореоле искрящихся капель.

– Мы увидимся? Где вас найти?

– Меня чего искать, себя не теряй. Да спи меньше, – в его голосе пролилось скупое тепло. –глядишь, свидимся еще.

Двинулся к болоту, миновал поваленное дерево, сошел с травянистой кромки.

Таким и запомнился: силуэт в жемчужном свечении дождя, шагающий напрямик, не выбирая дороги, не глядя под ноги, по черной ряблящей глади.

VI. Здесь

Мир не изменился в его отсутствие, принял Рыжего буднично, словно и не заметил отлучки.

Грузовики и фуры не желали отвлекаться на подозрительного велосипедиста с замотанной в тряпку ступней, голосующего под дождем на обочине. Автобусы его тоже не замечали. Заметил патруль ДПС; велев снять колеса, мутного парня доставили вместе с велосипедом на стационарный пост, дали позвонить.

Отчим приехал на своем левиафане, перетер в сторонке с гаишниками. По пути в город Рыжий повторил ему облегченную версию: поехал за грибами, залез в болото, заблудился. Да, на велосипеде, а что? От перекуса в кафе Рыжий отказался, но в городе они заехали в обувной за новыми кроссовками и вполне мирно в дороге пообщались, так что отчим остался доволен и сунул денюжат.

Мать поохала, но Рыжий понимал, что его и хватиться-то не успели и эти ее переживания – задним числом. Она просто рада, что жизнь лишь чуть споткнулась и выправилась раньше, чем она успела испу-

гаться. Вот и с отчимом у сына как будто налаживается, вот же приехали вместе. А чего он, собственно, ждал? Если честно, и сам испытывал похожее чувство. Отчим сразу уехал на фирму, Мышка была в школе или на каких-то очередных курсах; визит не затянулся. Мать выгрузила на стол полхолодильника и пыталась оставить его ночевать, но Рыжий, приняв душ и пожевав без охоты бутерброд с какой-то рыбой, отбыл к себе на съемную квартиру.

В маршрутке испытал внезапный, жуткий, до головокружения, приступ голода – на ближайшей остановке мотнулся к киоску; одной рукой роняя сдачу, другой пихал в себя полусырую шаурму. Домой купил хлеба и колбасы с сыром, плотал, пока не вырвало. Потом, обессиленный, заснул.

Утром проснулся голодный, завтракать не решился, потащился в офис. Его даже толком не наказали за прогул, посмеялись над объяснительной (заблудился в лесу? ну-ну), урезали премию да подвалили работы. В обеденный перерыв съел в кафе напротив порцию пельменей, потом еще одну. Больше его не тошнило.

Первые дни прислушивался к себе; лодыжка не болела, припухлости как не бывало, на подошве еще не загладились ссадины от шипов на педали, но уже зарастали и не беспокоили при ходьбе. В организме все встало на свои места.

И в голове вроде тоже.

Он так же бездумно скользил по сети, забредал на привычные сайты, прощелкивал незадевающие новости – лишь затем, чтобы убедиться: мир не изменился в его отсутствие. Да и что в нем могло поменяться за три дня? Так же катится куда-то, стабильно-неуправляемый, привычно-тревожный и равнодушный к себе и к Рыжему. Нет, мир не изменился. Мир в норме.

Осознав это, Рыжий пришел к заключению, что сам он тоже не изменился. Бог с ним, с миром, ему бы здесь, в офисе, разгрести за день свою рутину, чтобы не сорвать график выпуска и не торчать тут до ночи.

Не совет. Он в норме.

И все будет в норме, если не задавать себе ненужных вопросов.

За пару недель он достаточно утвердился в этой мысли, и пора было выдернуть последнюю занозу. Велосипед. В день возвращения он остался в багажнике у отчима, и, хотя Рыжий не просил, тот сам завез его позже, закрепляя общение. Свернутый набок руль, колеса отдельно, велосипед торчал какое-то время в передней, хозяйка ворчала, пришлось забрать в комнату, теперь он маячил перед глазами – навязчивое напоминание, ненужный вопрос. Пора было расставаться. Он только не мог решить как.

Просто выбросить, оставить на улице или во дворе у мусорного бака? Виделось в этом что-то нечистое; наряду с тягостным чувством Рыжий испытывал к велосипеду нечто вроде сентиментальной благодарности – все же эта безответная железка спасла его.

Продать? Подарить? Тогда придется объяснять происхождение велосипеда. Правду не скажешь (в болоте нашел? серьезно? а больше там нет?), а при его бездарности по части вранья чего доброго и в сбыте краденого заподозрят. И если глубже, по совести, то и вправду откуда у него право распоряжаться чужим? Было бы удобнее считать велосипед ничейным, но как убедить себя в этом, не попытавшись найти хозяина. Хорошо бы имя Божена оказалось выдуманным. Но если он действительно отыщется – живой или...

Рыжий не знал, чего боялся больше.

С живым придется встречаться. И всколыхнется, взбаламутится в душе все то, что он хотел – и почти удалось уже – запереть в темном уголке памяти и не заходить никогда: пусть покрывается пылью, затягивается паутиной, порастает быльем... Если Божен жив, они замкнутся, как два проводка, дотянувшихся *оттуда*, и как знать, не обожжет ли выпышкой, удастся ли заживить ожог.

Если же Божен погиб...

Но в том-то и дело, что никто не может этого знать, кроме Рыжего. Здесь, в этом мире, Божен мог только пропасть без вести.

При этой мысли у Рыжего потели ладони, чудилась клонящаяся навстречу черная гладь и шершавая дрожь шеста, проседающего в трясину, рывком, с *костным* хрупом. Но чувство, которое он при этом испытывал, было не только страх. Была и тоска, будто глядел он вслед себе, уходящему.

В такие минуты он понимал, что все это самообман – нет, не забудется, не порастет быльем. На работе понимание отступало, и в конце дня он не спешил домой, охотно засиживался в офисе, разбавляя текучкой душевную муть. Но день кончался, близких друзей у него не было, посиделки вне офиса, с забавными пьянками и необременительными интрижками, не манили, как прежде, и он возвращался к себе. К себе другому.

У него появилось и крепло ощущение, что и наедине с собой он не может остаться один. Словно вместе с ним *оттуда* пришел еще кто-то и этот кто-то неотступно находится рядом, вслушивается в его разговоры, наблюдает поступки – молча, не осуждая. Просыпаясь ночью, Рыжий нащупывал на шнурке крестик и, зажав в кулаке, пытался молиться. Не знал, о чем попросить; Господи, помилуй, без всякой надежды шептал в темноту.

Однажды ночью решил: сбил в поисковик «кино массовка божен».

Он без труда нашарил Божену в соцсетях, три аккаунта. Имелся еще заброшенный блог – свалка из репостов и собственных пафосных рассуждений на тему кино, жизненного успеха, здорового питания, брендовых шмоток и духовного раскрепощения. Возможно, раньше что-то отсюда и привлекло бы внимание Рыжего, но не теперь, не теперь.

Пошелкал фотки Божену со съемок с его же пояснениями. Разведчик в белом маскхалате с ПППШ наготове высматривает врага из-за сугроба. Вампир с грустными кругами у глаз в стайке прочей нечисти. Карманник с благородной осанкой, в костюме-тройке и канотье, с отсутствующим выражением на лице запускает пальцы в дамскую сумочку. Лохматый мужик в коленопреклоненной толпе, в расхристанной власьянице, с перекошенной, будто на ветру, бороденкой, истово осеняет себя крестом... Во всех сценках Рыжему чудилась неубедительная трафаретность и фальшь, но, в конце концов, не народный артист, дадут мелькнуть в кадре на секунду-две, и ладно, кто тут разглядит.

Задержался на фотках в реале. Божен в компаниях: жарит шашлык, бренчит на гитаре, произносит тост, отжигает на танцполе с какими-то девицами... Без грима он нравился Рыжему еще меньше; удлиненные черты казались раздражающе правильными, даже в улыбке Божену мерещились напускная задумчивость и томность с претензией на аристократизм. Рыжий встречал таких: мнят себя утонченными натурами, с ленивым видом изрекают банальности, а девчонки им в рот смотрят. Перед такими он тушевался и злился на себя.

Да тебе какая разница, подумал с досадой. Твое дело вернуть велосипед, и все. Ищешь повода не встречаться? Еще захочет ли он. Ни в блоге, ни в соцсетях он не появляется уже месяца полтора, всхлипы типа «Божка, ты где?» висят без ответа. Может, с ним что-то случилось? Ну, не в физическом плане, а... как с тобой.

Со мной ничего, сказал он себе. Не захочет – мне же проще.

Божен за компьютером. Божен на пробежке (он перед каждым снимком пробор наводит?). В спортзале. На велосипеде. На том самом. На этом.

Рыжий написал на все адреса. Три дня Божен молчал, на четвертый ответил.

Сентябрь расщедрился на прощальное тепло, все скамейки в сквере напротив Нижегородского кремля были заняты. У фонтана возилась стайка детишек под надзором стильных мамаш; струйный купол искрил на солнце, взбивая кисею тумана. Мелкий мальчишка с хохотом пулял из водяного пистолета, возбуждив заполошный галдеж.

Рыжий устал ждать. Мороженое он уже съел и хотел еще, но не решался покинуть место на краю скамейки и тащиться с велосипедом к киоску. Теперь он догадывался, почему Божен назначил встречу в сквере на центральной площади города. Здесь Рыжего с его велосипедом легко узнать издали, и Божен он имел возможность присмотреться к нему со стороны, оставаясь незамеченным среди зелени и многолюдья.

Наверняка уже где-то тут, оценивает, колеблется, подумалось Рыжему. А как бы ты поступил на его месте, если тебя нашел кто-то *оттуда*, – упал в объятия? Ты и сам не сразу решился.

Все же пора его подтолкнуть. Рыжий поднялся, демонстративно огляделся и двинулся по аллее, ведя велосипед за руль. На выходе из сквера кто-то сзади похлопал велосипед по седлу: «Привет». Будто поздоровался не с Рыжим, а с велосипедом.

Божен оказался ниже, чем представлялось по снимкам, но все равно повыше Рыжего. Небесно-голубая рубашка, бриджи в светлую клетку. Черные зеркальные очки, золотая цепочка в распахе воротника.

– Елисей, значит? Тебя и там так звали?

– Там? Лис... – растерялся Рыжий.

– Ага, – кивнул Божен. – В самую масть. И необидно. Добренькие они там...

– Да ведь и ты не Божен, – кольнул Рыжий; он уже комплексовал перед этим хлыщом в мажорных шмотках. На заброшенные аккаунты заглядывали не одни доброжелатели, в давно нечищенных комментариях стебались и над настоящим именем Борьки Жевакина.

– По паспорту да. Только важнее, как ты сам себя. Вот ты кто для себя? – Божен говорил он вальяжно, с обволакивающими интонациями; не зря, видать, с актерами терся.

– Какая разница, – не поддался Рыжий. – Бери велик, да и все.

– Ты что ж, думаешь, я за ним пришел?

– Так зачем?

– Затем же, зачем и ты. Убедиться.

– В чем?

– Что это не кончилось.

В очках Божена отражались лица и спины прохожих, улица позади Рыжего, ползущие через зебру машины. Но Рыжий видел лишь случайную

ряжь, блики на черной безмолвной глади, вглубь которой взгляд его проникнуть не мог.

– Вот так, повезло, в общем... А ты? – Рыжий отхлебнул остывшего кофе; кажется, никогда он не говорил так долго.

Они сидели в летнем кафе с вынесенными на тротуар столиками. Велосипед стоял рядом, прислоненный к декоративной решетке ограждения. Божен приканчивал пятую чашку. Сидел в небрежной позе, приставив стул к столику боком и положив локоть на спинку.

– Ты-то как выбрался?

Божен разглядывал осадок в чашке. Усмехнулся чему-то своему.

– Крылья, говоришь? Запомнили...

Что-то в его тоне изменилось. Снял очки, снова надел. Он уже не первый раз снимал и тут же надевал их, и Рыжий успел заметить, какие тревожные, запавшие у него глаза. Сейчас Божен казался старше, чем на фотографиях: осунувшееся лицо, сухая вялая кожа. Щетина на щеках не выглядела стильной, скорее неряшливой, как и запущенная шевелюра со смутным намеком на пробор. И он ни разу не потянулся за расческой, подумалось Рыжему. И пальцы подрагивают.

– Шутил я тогда, хорохорился. Брякнул не думая, а вышло...

– Что вышло?

– А то... – Божен наклонился к Рыжему и прошептал: – Растут.

Рыжий замер, уставясь в его очки; казалось, из-за зеркальной ряби ему подмигнуло безумие. Хотел отстраниться, Божен придержал за руку.

– Вот ты зачем пришел? А я тебе скажу. Пресно тебе здесь. А там страшно было. Но теперь боишься, что чего-то там не уловил, проворонил. Хочешь забыть, да не можешь. И понять не можешь... А второго шанса не будет. И грызет... Вот и пришел ко мне, ведь я тоже там был, может, понял что-то... И как с этим жить... или забыть. И тебя научу... Так?

– Ну, были мысли, – пробормотал Рыжий, – всякие...

– Меня бы кто научил... Я их чувствую, понимаешь? – Божен повел плечами, будто озяб. – Сплю на боку, чтобы не помять. Как ни складывай, все равно торчат, выпирают. В дверь прохожу – поджимаюсь, боюсь косяк задеть. В магазине людей сторонюсь, на кассе бочком, бочком – скорее бы проскочить.

Точно, подумал Рыжий, пока они дошли до кафе, Божен странно маневрировал, словно старался разойтись с каждым встречным на максимальной дистанции, да и от Рыжего держался дальше, чем это нормально для двух человек идущих вместе. И на стуле вон в такой позе...

– Так ты потому боком сидишь? Спинка мешает?

– Все мешает. Массовки забросил, от всех прячусь, – там толкучка, колготня... а куда мне с этим! Тесно мне с ними... – Божен, отпустил, почти отбросил его руку. – С людьми тесно.

– Но я не вижу ничего, – сказал Рыжий. – А ты видишь?

– В том-то и дело, что нет. Во сне только... И никто не видит. И не чувствует никто. Задену кого в толпе или просто вплотную разминемся – меня как наждаком по коже, а он и не ощутил ничего, просто мимо прошел.

– Что, такие большие?

– Если расправить, то... – Божен развел ладони на полметра от плеч. – И растут, растут...

– А может, ты это... заикнулся, что ли, – осторожно предположил Рыжий. – Ну, в смысле засело в голове, думаешь о них постоянно, вот и...

– ...мерещится? Да если и так! Каждый день перед зеркалом кручусь – не появились ли? Нет, не вижу! И не знаю, радоваться мне или в психушку сдаваться... – Божен помолчал. – А вдруг увижу однажды – что тогда, а? Какие они будут – вот вопрос...

– В смысле?

– Ну... Как у ангелов на картинке – белые, или...

– У падших ангелов тоже крылья вроде... – вспомнил Рыжий и прикусил язык. Вспомнились слова Лучезара про клещей с крыльями. В своем рассказе Божену он опустил эту подробность.

– Ага, – ухмыльнулся Божен. – Черные.

– А во сне – какие видишь?

– Не помню, – сказал Божен, и Рыжий кивнул, слишком поспешно. – Не веришь?

– Ну почему, верю...

– А я в ангелы не собираюсь – ни в светлые, ни в черные! Что – без этого теперь никак? А посерединке нельзя – просто человеком?..

– Человек – это что-то... временное, – Рыжий сам не знал, с чего это сказал, и его обдало холодом от непреложности этой вечно потаенной и вдруг выскочившей мысли.

– А дальше, значит – либо ангел, либо бес из меня вылупится? Так, что ли?

– Ну, не знаю... как получится.

– У кого получится – у Бога?

– У тебя, наверное... с Божьей помощью... – добавил Рыжий без уверенности.

– А если не с Божьей? – наседал Божен. – А! – махнул рукой, словно перечеркнул ответ.

Оба замолчали.

– А как выбрался, говоришь... – Божен переменял тему. – Я как в угаре был, как во сне... этим и спасался. Не может же такого быть в нормальной жизни. Чесотка эта – клюкой скребешь, скребешь по спине – кажется, до хребта уже доскребся... И голод, голод... Они ж там не жрут – травки пожуют, и ладно, а то и вовсе не заморачиваются. Вот и мне: потерпи, мол, на зелени посиди, глядишь, и само расхочется. Да какой тут потерпи!.. На птичье гнездо набредешь или лягушку поймашь – жрешь и думаешь, сейчас стошнит... но ведь во сне стошнить не может, верно? И погибнуть во сне нельзя... а оно бы и лучше, думаешь. Ну, не умереть, а исчезнуть что ли... куда-нибудь, *оттуда*.

В голове только и стучит – вырваться, вырваться! А как, в какую сторону идти? По трассе – деревни пожженные, разгромленные, рейдеры расклеванные на опорах... Да ладно трупы – а на живых нарвешься? Но и не ждать же, пока сами явятся... Ноги и принесли на это болото. Велосипед мой лежит – весь в тине, ободья потемнели, втулки – ржаветь, что ли, начал? что-то быстро очень... Но колеса крутятся. Будто ждал меня старый друг и вот дождался, зовет: поехали скорей, валим отсюда! Меня как прострелило: а что – как попал сюда, так же и обратно. А какие еще варианты? Гляжу – болото вроде и не страшное, воды почти невидны – так, лужицы, проходы широкие. Жара же стояла, оно и усохло. Пройду!

Поднимаю велосипед. Понимаю, что с ним опаснее, но это вроде как товарища бросить. Да и спас он меня однажды, вдруг опять?..

Божен посмотрел на велосипед.

– Он и весит-то десять кило, найнер на карбоне, давно такой хотел, да на новый не размахнешься, а тут с рук подвернулся удачно. Вот и покатался... В общем, увязли мы. В конце, у самого берега.

– Возле упавшего дерева? – спросил Рыжий. – Большое такое, старое...

– Не было там упавшего. – Божен подумал. – Стояло одно отдельно, да, здоровенное, я на него и шел. Может, потом упало... Ты-то после дождей шел, болото и вспухло, и дерево подмыло, наверно. В общем, шел я все по сухому, вроде, кочек держался, и тут дерн как бумага рвется, нога в жижу по щиколотку. Мне бы назад, тихонько, а я вперед – рядом же! – рванул сдуру – другая нога по колено... Короче, опять велик спас, – Божен махнул рукой. – Как упал плашкой, так и ушел в трясину, пока я по нему, как по гати, на кочку выбрался да ползком, ползком, к тому дереву... На берегу оглянулся, а там только вода, черная, как стекло – осколок на зеленом. Вот думаю... – Божен хмыкнул.

– Что? – встрепенулся Рыжий.

– А если б я вперед не рванул, а назад, тихонько... Так бы там и остался? Тебя бы вот встретил, бродили бы вместе... куда бы забрели?

– Жалеешь все же?

– А ты? Если честно?

– Не знаю, – ответил Рыжий. И неожиданно для себя повторил: – Не знаю... пока.

– Вот и я не знаю, – кивнул Божен. – Пока. Пока что? Гром не грянет? Крылья не отрастут? И куда мне с ними – в психушку сдаваться? С Откоса сигануть?

Наклонился к Рыжему, очками в глаза:

– Вот ты велосипед мне привел, потому что забыть хочешь – а он напоминает. Думаешь, сбыл его с рук – и как бы ничего и не было. Только мне он не нужен. Мне, – Божен шевельнул плечами, будто их оттягивали лямки рюкзака, – своего хватает. Я вот думаю, лучше бы ты его там назад в болото бросил – может, он еще кого бы спас... а ты вот притащил. Может, он и предназначен для это – спасти... – Божен перешел на горячечный шепот. – Только сперва заманить должен... Заманит опять и спасет, а? Вот кого только? Не меня, не меня.

– Ты серьезно, что ли?

– А, пошутил, – сказал Божен обычным голосом, садясь в прежнюю позу. – Короче, мне он не нужен. Накатался.

– И что с ним делать?

– А что хочешь. Продай, подари, выкинь. Не мой он больше. А вот что нам делать?

Они помолчали.

– Разбегаться – вот что, – ответил Божен на свой вопрос. – Ничем мы друг другу не поможем, только душу травить. Выбрались, и ладно. Каждый сам по себе

Он отвернулся, высматривая официанта.

– Постой, – остановил Рыжий, – может, мы не одни вернулись. И вообще они... были? Здесь, в этой жизни?

– Спасибо, подсказал. А то я не додумался.

– Искал? Нашел кого?

– Почти. Илью этого. Он самый приметный был, одна рожа чего стоит, и взгляд такой – только дырки сверлить. Сразу видно, какого поля ягода. Ну, я поспрашивал аккуратно – та еще фигура... Только последнее время не видели его. Вроде бы что-то с личной жизнью не сложилось, а может, в какие-то дела ввязался.

– И где ж он?

– То ли угрохали его, то ли в Испании пузо греет, то ли на Донбасс подался за Русский мир воевать... Слухи разные. Докапываться себе дороже, могут и нос прищемить – так, на всякий случай. На меня уж и так поглядывали: а тебе-то, мол, зачем? А и правда, думаю, – зачем? Ну нашел бы я его – и что? Он и послал бы меня – в лучшем случае. Вот ты меня нашел – легче стало? Бросил я это дело. И ты брось.

– Да хоть понять, где они все сейчас – там или здесь? Вдруг тоже вернулись?

– Тебе-то зачем знать! Если они тут – то тоже друг другу ни к чему, как мы с тобой. А если там – им же лучше. Они же сами отсюда ушли.

Да, в этом вся разница, подумал Рыжий. Они сами ушли. А он не хотел... А сейчас? И сейчас не хочет. Так чего же он ворошит? Зачем?

– ...А если кто и вернулся, – твердил свое Божен, – что ж нам тут – общество создавать? Уставимся друг на друга и будем гадать да мусолить, вопросы задавать... А их задавай, не задавай – все равно никто не ответит. Все ответы там остались. А тут каждый сам по себе. Одно ясно: то, что случилось, – не кончилось. Готовиться надо.

– К чему?

Божен не ответил; зябко шевельнул, то ли просто пожал плечами.

– Все, разбегаемся. – Постучал чашкой по столу. – Заплатишь за безработного.

Они вместе покинули из кафе, и ни один не оглянулся на велосипед, прислоненный к декоративной решетке.

Держась рядом в потоке людей, вышли на площадь перед древним кремлем, вдоль дышащих теплом стен дошли до памятника Чкалову. Свернули на смотровую площадку, где стайка туристов шелкала мобильниками панораму Волги, сползающую по склону к реке восьмерку Чкаловской лестницы, космический силуэт собора на Стрелке.

В какой-то усталой отрешенности Рыжий смотрел правее, на восток, где дали безлюднее и не так заметно присутствие человека на земле. Взгляд отражался, как камешек, от водной глади и улетал за реку, на плоскую твердь, скользя по заволжским лугам, по темному ворсу неразличимых, угадываемых лесов, и дальше, за горизонт, занавешенный облачный дымкой...

где бредут они? по какой тверди – земной? небесной? куда?

Не разглядеть.

– Вот и я... – голос Божена заставил его очнуться. – Недолго уже...

Рыжий проследил его взгляд. В вышине, над слиянием рек, плыла, покачиваясь под апельсиновой кожуркой параплана, человеческая точка.

– Сигану вон с откоса, где покруче, а там... вверх ли, вниз...

– Зачем?

– Так растут же зачем-то – для чего ж еще? Все лучше, чем в психушку.

– Думаешь, не разобьешься – так их догонишь? – проговорил Рыжий. – Значит, сомневаешься все же, борьба в тебе идет.

– А в тебе не идет? – усмехнулся Божен.

Не дождался ответа. Кивнул на параплан:

– Представляешь, они там на протезах, а я – на своих!.. Уже ради этого...

Повернулся к Рыжему: черные провалы очков на усталом лице.

– Всё. Поболтали.

Несколько дней Рыжий избегал заглядывать в сводки происшествий. Потом сказал себе: глупо. Все равно узнает, сам или случайно. Что ж теперь, в интернет не ходить и телевизор не включать? Так и самому недолго до психушки.

Назло себе поискал инциденты с летунами. Последний произошел год назад: парапланерист взлетел с откоса и на него же упал, разбился насмерть. С тех пор ничего похожего в здешних краях не случилось. А когда случится (случится же, раз летают), так совсем необязательно с Боженом.

И вообще, при чем тут летуны? Может, эти крылья только у него в голове? Да наверняка! К тому же настоящий обрыв еще найти надо, тут в городской черте одни косогоры, скаты крутые, да, но не отвесные же. Ну разбежится Божен с горки, руками помашет и свалится, ну сломает себе что-нибудь, но не убьется же. Такая ерунда и в происшествия не попадет. Увезут в травму, и все. Или в психушку. Может, и к лучшему... То есть хорошего мало, конечно, но от тебя тут ничего не зависит.

А может, Божен прикалывается с этими крыльями? Заигрался там у себя в массовке, решил проверить на тебе свои актерские таланты. А ты и повелся.

Псих, не псих – в любом случае ты ему не нянька. В конце концов, он тебя просто послал, напомнил себе Рыжий, разжигая обиду.

Обида не разгоралась.

Божен решил сам по себе. Возможно, он и прав.

Но Рыжий для себя еще не решил. Не уверен.

И что дальше? Искать в сети безвестную Инну? Сантехника Алика? Смешно. Остальных он даже по именам не знает.

Профессор? В городе, как выяснилось, полсотни вузов и филиалов, он попробовал полазить по куцым полузаброшенным сайтам и плюнул.

Поэт Нем? Смешно.

Хотя... У литераторов вроде бы есть какая-то своя организация...

На местном писательском ресурсе нашелся список членов Союза с мутными портретиками: никого похожего на Нема. Но должны же его там знать, не могут же поэты совсем не общаться.

Старый деревянный домишко затаился в глубине квартала на задворках торгового центра. В коридоре с растрескавшимся линолеумом на двух дверях тосковали наклейки с надписью «аренда». Рыжий толкнулся в третью.

В крошечном кабинете за бэушным офисным столом, под портретом Пушкина, сидел пожилой атлет в синем костюме с металлическим отливом. Небрежным движением он сунул что-то в боковую тумбочку и прихлопнул дверцу. Сбоку стола притулился утомленного вида мужчина со шкиперской бородой, в потертом плаще и берете, с объемистым старомодным портфелем на коленях. При виде Рыжего он защелкнул

замки и сложил на портфеле руки. Рыжий уловил запах квашеной капусты и понял, что пришел некстати.

– Впервые к нам? Стихи? Проза? – Атлет вышел из-за стола, чтобы открыть форточку. В своем сияющем синем костюме и красном галстуке он походил на преуспевающего ведущего корпоративов.

– Где-то я тебя видел, – произнес шкипер медленным скрипучим голосом, доставая сигареты. – У меня на лито? Как звать, не припомню...

– Елисей, – растерялся Рыжий. – Какое лито?

– Литобъединение «Протока». Не был? Ну-ну... – шкипер утратил интерес к Рыжему и принялся курить, уставясь на Пушкина.

– Так что у вас? – поторопил атлет. – Рукопись? Оставляйте, запишем на рецензию. Фамилия?

– Да я, собственно, знакомого ищу... поэта.

– Какого поэта?

– Вот имя, понимаете... – зачастил Рыжий, чувствуя себя дураком. – Давно, с полгода как, наверное, вот и вылетело.

– На нашем сайте есть список членов организации с фотографиями.

– Смотрел, не нашел... Подумал, может, здесь его знают, раз он стихи пишет. Он такой сутулый, сублильный. И все щурится... Мы случайно познакомились...

– Где познакомились?

Действительно где, соображал Рыжий, не скажешь ведь: в лесу.

– Да... в бане, – вдруг брякнул. – С ним еще один был, профессор вроде, тоже книжки пишет.

– А! – проскрипел шкипер, кивнув Пушкину. – Ясно.

– Распевцев? – покосился на него хозяин кабинета.

– А кто ж. Они с профессором каждую неделю в парилку ходили. Зимой в общей, летом у профессора на даче. Крепко парились – то-то он имен не помнит.

– Распевцев... – пробормотал Рыжий. – Да, точно... А где его найти?

– Не в этом мире, – шкипер поплевал на окурочек и бросил в корзину для бумаг. – Допарились они. Все там сгорело – гараж, дача. Генератор ли, проводка, а может, сами искру заронили. Угорели, видать, вот и не выбрались. Говорят, и костей-то не нашли, ну, может, врут... Тишков он вообще-то. Распевцев – псевдоним, так ему звончее казалось. А конец один. Silentium.

– Да, увы, – атлет сделал подобающее лицо, – поэта Распевцева с нами нет. И профессора Муравина тоже. Оттого и на сайте вы их не нашли. Так что... – он развел руками.

– Можно? – в дверь просунулась невзрачная девичья мордашка. – Ой, здарсьте... Я насчет сборника... сказали, готов?

– Заходи, заходи, – со вздохом переключился атлет в сияющем костюме. Он кивнул на подоконник, где лежала стопка тощеньких книжечек, похожих на брошюры. – Только из типографии. Поздравляем с дебютом.

Девушка в осенней курточке со сбившимся на затылок капюшоном прошелестела через кабинет.

– Какие красивые!.. – стесняясь и торопясь, выхватила из сумочки ручку, принялась надписывать книжечки. – Это вам. И вам... А это для Давыда Марковича... И Олегу Алексеичу, особо, вот – передадите?.. А вам, – заметила Рыжего, – подписать?

– Э... конечно, пожалуйста... – растерялся Рыжий, уже в дверях.

– Да-да, пойдёмте, пойдёмте, – засуетилась девица, подхватила следом, на ходу запихивая книжки в сумку. – Там подпишу, не будем мешать...

Дома Рыжий полистал книжечку, сунул в стол. Мысли были заняты другим.

Добравшись на рейсовом автобусе до рабочего поселка, Рыжий долго ждал попутку, подзяб на стылом октябрьском ветерке, побрел пешком по узкому пустынному шоссе в надежде, что рано или поздно кто-нибудь подберет. В течение часа увидел две машины, обе прошли мимо, сгоняя его на обочину. Следующий час он боролся с навязчивой мыслью, что каждый пройденный километр удлиняет его путь на два с учетом возврата; продолжал идти, убеждая себя, что если поездка окажется впустую, все равно она будет не зря. Он даже хочет, чтобы эта затея кончилась ничем. Он будет только рад. Он с чистой совестью скажет себе: я сделал все, что мог, на этом точка, тема закрыта. И сможет жить дальше.

Его подобрала компания охотников. В салоне «уазика» расположились благодушные мужики с рюкзаками и ружьями в чехлах и парой лаек, пахивало свежим алкоголем и мясной закуской. Рыжему набулькали из фляжки чего-то пахучего, он сладко обжегся, заел кружком салями.

Водитель, в потертом камуфляже, трезвый, узнав название деревеньки, нужной Рыжему, заинтересовался, зачем ему туда.

– Дом посмотреть.

Этот была единственная наводка, итог многодневного просеивания в сети ресурсов выживальщиков. Упоминание о продаже мелькнуло на одном из форумов среди обычного трепка. Рыжий бы и не зацепился, когда бы не добавление вскользь, что с домом, по слухам, не все чисто, хозяин, что ли, пропал без вести, потому и взять можно задешево.

– Дом, говоришь? Это который на отшибе, у оврага? Так его продали вроде.

– Не знаю, – нахохлился Рыжий. – Мне сказали глянуть, а я так, по пути... Друзья попросили.

– Что за дом? – спросил сосед Рыжего, наливая себе.

– Да жил там один, – отозвался водитель, поглядывая на Рыжего в зеркало заднего вида, – городской, мутный какой-то. Купил дом, коз, кур завел, огородик, ковырялся потихоньку, да все один, с оглядкой... Потом исчез – будто в погребке его завалило напрочь. Уж чего он там копал, колодец, что ли... В общем, пока хватились, то да се. Тела-то не нашли, одну лопату раскопали. Только жена ждать не стала, быстренько из города приехала, со скотовозкой, живность сдала, а дом на вывоз продала. Тут он возьми да объявись. Только дома-то уж нет, взяли по дешевке без документов. А он, говорят, все крутится там на участке. Точно, неспроста это. Видать, прячется от кого-то. И с погребком – все туфта была, для отвода глаз. Типа померя, не ищите.

– Все-то ты знаешь, – польстил охотник, выдохнув после стопки.

– Егерю положено округу знать, а то себе дороже. Не удивлюсь, если ствол у него припрятан... Друзья, говоришь, попросили? – водитель все оценивал Рыжего через зеркальце. – Так нет больше дома-то.

– Ну, участок погляжу.

Остановились на развилке.

– Тут километров пять, дойдешь.

Рыжий вышел, «уазик» тронулся не сразу, и Рыжему уловил в этом какое-то сомнение на свой счет. А может, просто решили выпить без тряски.

До деревушки добрался уже в сумерках. Проходя мимо безжизненных темных домишек, еще издали услышал постукивание топора. В конце улицы открылся неогороженный участок: по периметру ямки от вывороченных столбов, изрытая колесами земля, ворохи трухлявых досок, обломки бруса, прочий деревянный хлам, отбракованный при разборке, печной остов без трубы, битый кирпич.

На расчищенном от мусора пятачке торчало какое-то невысокое, метра в полтора, деревянное строенье. Игнатий – Рыжий узнал его сразу – присев рядом, обрубая туристическим топориком доску.

Рыжий помешкал, не зная, как окликнуть.

– Бог в помощь! – сказалось вдруг и оставило ощущение неловкости.

– А, Лис... – Игнатий глянул мельком. – И ты здесь. Помнишь Бога, значит? – Поднявшись, стал примерять деревяшку к верхушке строеньца.

– Что это ты делаешь?

– Я-то? – Игнатий повертел в руке обрубок доски. – Гниль вырубую. Видишь – все вырубись, и не хватит ее, коротка – только выбросить. А вырубать надо. Оставишь – расплзется, вокруг перекинется. Все сгниет тогда. Вот и вырубую. Из себя вырубую, из души своей.

Отбросил деревяшку, отошел к груде обломков, пошевелил ногой, высматривая подходящий.

Рыжий обошел постройку: что-то вроде четырехгранного столба, полого внутри, оно напоминало узкий колодезный сруб, вытянутый из земли. Стенки были из разномерных деревянных обрезков, с двух сторон столба на крючках из загнутых гвоздей – темные дощечки с невнятными силуэтами, вряд ли различимыми и при дневном свете. Иконы, догадался Рыжий.

– Что строишь? Церковь, что ли?

– Ну, хватил. Голубец это будет, часовенка маленькая, столбиком.

– Их же вроде на могилах ставят?

– Тут и есть могила.

– Чья?

– Моя.

– Но ты ведь живой.

– Я-то – живой. А бывший я преставился. – Подошел с очередной деревяшкой. – Царствие мне небесное. – Переложив деревяшку в левую руку, правой перекрестился на столб. – Земля пухом.

– А-а, – протянул Рыжий, уже с опаской. – В смысле фигурально...

– Ни хрена не фигурально... прости, Господи. Тут меня завалило, тут я и кончился.

– А там, воскрес, значит?

– Нет, там... другое. Здесь в землю ушел, из земли восстал. А там... там не знаю, что было. Чую вот – сердцем, тоской слезной, до крика, – а сказать не могу.

– Предупреждение, может? – подсказал Рыжий без уверенности. – Будто показали нам что-то, краешком... а дальше сами, как поймете?

– Не бренчи, – пресек Игнатий. – Не нашего ума это. Вообще не ума. Просто... – болезненно ощерился, выдавливая слово, – счастье

это было. Не там – а то, что случилось это. Страшное счастье, неподъемное... и не постичь. И давит, точит. Вера, вера нужна!

– Так ты же веришь, – опешил Рыжий. – Там церковку построил, здесь вон тоже...

– Страшно мне там было, от страха моя вера. А надо чтоб от любви.

– Это как?

– А как выйдет. Знаю только, что себя не щадить, себе не брать, не хотеть ничего. Ему все.

– А людям?

Игнатий уставился как на тупого.

– Ему – и есть людям. Только не то, чего им хочется, а то, что им действительно надо. Он лучше знает, управит.

Заморосил холодный дождик. Игнатий бросил деревяшку внутрь столба, накрыл его куском рубероида.

– Все на сегодня. Пошли.

От дождя укрылись в лачужке, наподобие той, где ютился Рыжий в станочье: издали он принял ее за груды строительного мусора. Наверняка и строитель тот же, подумалось ему. Втиснулись, сели на туристической пенке.

– Ты здесь как, ешь? – Светя фонариком, Игнатий залез рукой в надорванную упаковку с тушенкой.

– Ем.

– За кольцо открывай. Ложка одна, хлеба нет.

Ели в тесноте, передавая ложку друг другу.

– Еще будешь?

– Не, спасибо, – постеснялся Рыжий; заметил, что упаковка с тушенкой на исходе.

– А я буду, – Игнатий взял еще банку. – Первое, что здесь ощутил, – голод.

– Где – здесь?

– В овраге. Куда ход копал.

– Как вернулся-то, помнишь?

– Помню, как на церковку молился, а тут гроза, ливень. Сверкнуло, и все ухнуло вниз разом, только и успел подумать: в преисподнюю. И вдруг: холодно мне, мокро и дышать нечем... значит, оползнем меня накрыло. Забился, выпростался из земли – ночь, дождище хлещет, сам весь в глине... И первая мысль: жрать хочу, не могу. Там-то про это и думать забыл, а тут... Вернулся, значит. Думал, может, пройдет еще – куда там! Нет, там мы ближе были.

– К чему?

– К чему не готовы. Точно не будешь? Ну, как хочешь. – Игнатий полбанки не доел, сунул назад в упаковку. Фонарик погасил: – Батарейка последняя.

– Это все из запасов? – спросил Рыжий.

– Была заначка, снаружи. Тут-то все выгребли.

Потому и топорик туристический, понял Рыжий. Он подумал про ствол, но спросить не решился. Спросил другое:

– Как тебя звать-то... теперь?

– А так и зови, Игнатием. Пржнее имя мне ни к чему.

– Но ты же вернулся.

– Как был нерожденный, так и остался. Вот настоящей веры сподоблюсь... если. А пока – ни там ни сям.

– Тебя и жена Игнатием зовет?

– Нет у меня жены. У того была, а у меня нет.

– Это из-за дома? Кто же она тебе теперь?

– Как все. Добрая женщина.

– Добрая?

– Что порушила тут все – я не в обиде. Поделом мне. Ведь что удумал! Вы, мол, тут как хотите, тоните на своем «Титанике», а я спасусь. Сбежать решил! От чего – от света божьего! Сам слепой – да в нору! Вот меня из норы-то и за шкуру... Продала дом – и бог с ним. Могла подороже взять, чем так, без документов, да невтерпеж ей было... тела-то моего не нашли. Суд да дело – когда еще ей имущество передадут. Спешила, в общем... Так что не мне ее судить. Я бы все подписал, да уж поздно было. И участок подпишу, пусть продает, но чтобы часо-венку не трогали. Паспорт только сменить, на Игнатия. Мне-то ничего теперь не надо, ни от нее, ни от кого.

– Сам-то что делать будешь?

– Вот часо-венку дострою. Еще бы пару иконок раздобыть, чтоб че-тыре было, на каждую сторону. Две вот нашел, пошарил в заброшен-ных домах. Нет, больше ничего не взял, я же не рейдер какой. Тут еще в одной избе полоумные старики доживают, у них есть вроде. Может, дадут на святое дело.

– А купить? Есть же где-то в округе церкви, должны продавать...

– Нет у меня денег. И добывать не хочу. Тут только начни – и охнуть не успеешь, с головой увязнешь.

– Столбик же, наверное, освящать положено? Тоже не бесплатно?

– Чего гадать, – усмехнулся в темноте Игнатий. – Чему надо быть, то и будет.

– Ну, закончишь ты часо-венку. А потом что?

– Уйду.

– Куда? Веры искать?

– Чего ее искать? Ее заслужить надо. Хочу церкви строить. Настоя-щие, большие. Знаю, что не умею, но кирпичи таскать руки везде нужны. Где пригожусь, там и прибьюсь. Что надо, само случится... Замерз?

Снаружи все накрапывал дождь, холод мороси затекал в лачужку. От сидения в тесноте у Рыжего затекли ноги, он коченел в своей осен-ней курточке, борясь с то и дело накатывающей дрожью.

– Держи вот, – Игнатий заворочался в темноте, и Рыжему ощутил в руках шершавый ком одеяла.

– А сам?

– И сам, на двоих припасал-то... Верблюжьи. Тихонько ложись, боком.

Рыжий вытянулся вдоль стенки.

– Ну ты запасливый, – пробормотал, блаженно согреваясь. – А спаль-ников не припрятал?

– А что спальник? Мешок и есть мешок. В нем и бери тебя теплень-ким. Не на то расчет был... Ладно, со мной понятно. А ты-то чего тут? Тоже сбежал?

Прозвучало с такой резкостью и горечью, что Рыжий опешил.

– Один я остался... понимаешь, один! – обида вспыхнула и погасла. То, что мнилось ему до сих пор чуть ли не подвигом, его героический переход через болото, и впрямь представилось вдруг постыдным бегст-вом. – Один... никого не осталось.

– Ну, рассказывай...

Игнатий слушал словно без охоты.

– Ушли, значит, – только и сказал, когда Рыжий закончил.

Лежали молча, каждый в своем коконе, слушали дождь.

Рыжий уже подумал, что Игнатий спит, как тот вдруг спросил:

– А с тех пор ничего? Ну... от них?

– Вестей, что ли? – оторопел Рыжий. – Как это?

– Ну, не знаю, может, знак какой...

– А тебе был?

– Если бы... – проговорил Игнатий с тоской. – Просто чувство такое – будто ты спишь, а над тобой склонился кто-то, вот сейчас рукой коснется – и проснешься. И скажет... и позовет...

– Куда?

– Не знаю. Сперва проснуться надо. Самое трудное – проснуться. И страшно – вдруг проснешься, и опять не готов... – Игнатий вдруг осип, прокашлялся, прочищая горло.

– Проснуться... – повторил Рыжий. – Я вот все думаю – кто тот грибник, что меня утром разбудил, после того как меня из болота вытащили. Вообще вся компания... Только разговоры их и слышал. Всего-то было – повернуться да посмотреть... не посмотрел, побоялся. Чего – ошибиться? Или опять с ними оказаться? Они это были, не они? А тот грибник, что по болоту ушел – кто он? Так и не знаю.

– Все ты знаешь, – усмехнулся в темноте Игнатий. – Поверить боишься.

– Думаешь, Странник?

– Странник... Или кто теперь за него.

– Типа вместо него, что ли? А он ушел?

– Зачем вместо? Вместе, в нем. Он не уходит, встречает только.

– В нем? – пытался ухватить Рыжий. – Кто же это мог быть, по-твоему? Илья? Лучезар?

– Да кто угодно – все равно Странник. Хоть ты, например.

– Но я же здесь!

– Это сейчас. А когда-нибудь... – Игнатий закашлял.

– Что ж я, сам себя из болота вытащил? – переждал Рыжий.

– А ну тебя! – разозлился Игнатий. – Кружишь, кружишь вокруг да около, пустяками мозг выносишь. Он тебя на крест вознес, самую суть открыл – это ж милость какая!.. А ты зажмурился и все глаза открыть боишься.

– Какую милость? Какая суть? Там – ужас один! – простонал Рыжий. – Вопль вселенский, мука смертная!

– А дальше-то, дальше что? Не досмотрел, сбежал!

– Тебя там не было...

– То-то и оно – тебе милость, не мне... А случись – уж я-то досмотрел бы, что там дальше, за мукой, за смертью. Ну, бог даст... Затем и живу вот.

Игнатия опять закашлял.

Помолчав, Рыжий спросил:

– Ты бы вернулся, если б мог?

– Это как? Самому в землю закопаться? Другого хода не знаю. Нет, второго раза не будет. Теперь только своим чередом. Постой, – встрепелся Игнатий, – а ты...

– Да нет, – Рыжий пожалел, что спросил. Соврать, не соврать? – Был я там – все другое какое-то. Ни болота, ни дерева упавшего. Нет того места.

– Понятно, – вздохнул Игнатий, поверил вроде. – Такое раз в жизни выпадает.

Спал Рыжий беспокойно из-за кашля Игнатия, но проснулся уже под стук топора. Поглядел на тушенку: Игнатию самому мало.

На прощание протянул деньги.

– Что есть. На иконы. Или на что там хватит...

– Спасибо не скажу, – Игнатий пожал плечами, принимая. – Не мне даешь.

Рыжий помешкал, спросил:

– Как думаешь, где они теперь?

– Знать бы... Только сдается мне – все дороги на крест ведут, если они верные.

– На крест? Зачем они тогда, зачем всё?

– Так они там не кончаются. – Игнатий отвернулся, застучал топором.

И как он мог быть таким тупым! Мог ведь и вовсе забыть – да и забыл, забыл! – про тоненькую книжечку, сунутую в стол. Страшно теперь подумать, сколько она там провалялась, в ящике, среди старых распечаток, файлов с забытыми отчетами, мелкого компьютерного хлама. Могла и вовсе кануть на помойку с грудой ненужных бумаг, отслуживших плат, проводов, пустых блокнотов и напишущих шариковых ручек... Да просто мог съехать с квартиры по какой-то причине! И никогда не увидеть... не прочесть! – не сунься он в ящик за старыми расчетными листками по зарплате; их никогда не хранил, а тут спохватился, вдруг завалился какой – сравнить, полюбоваться: ему впервые в жизни прибавили оклад...

Рыжий ждал ее в фойе торгового центра и сладко ужасался. Застекленные павильоны в предновогодней мишуре, мигающие гирлянды, вкрадчивая музыка, пчелиный гул голосов. Рядом, у входа на эскалатор, притулился цветочный павильончик, грустные ароматы растений странно оттеняли его взбудораженное состояние. Мысли прыгали.

...Хотя, если вдуматься, – почему ему прибавили оклад? Ага, вот это ключевой вопрос – да, ключевой. А потому, что он принял решение, твердое решение. Отбросил наконец-то все эту бесплодную рефлексию и потуги объяснить необъяснимое. Жить надо здесь и сейчас. И смотреть в будущее... ну, не то, которое где-то *там*, за пределами видимости, и еще неизвестно, есть ли оно, а в то, которое можно предусмотреть, спрогнозировать... и строить уже сегодня, разумно и последовательно. Как все нормальные люди. Вот он нашел в себе силы, и дело пошло. Сделал кое-какие предложения по изменению верстки газет и прохождению макетов через секретариат. Проявил инициативу. И встретил понимание. Ему даже намекнули, что считают перспективным сотрудником и давно присматриваются. А если учесть, что замолветсека, который вечно к нему придирается, по слухам, того гляди сплавят на пенсию... Нет, прямо ему об этом, конечно, не говорилось, но не исключено, не исключено...

Не то чтобы он вознамерился делать карьеру... а почему бы и нет?

И в институте он приналяжет – вот выйдет из академа... придется на вечерний. С отсрочкой как-нибудь решится... Кстати, отчим же давал понять, что есть возможности профессионального роста, а если проявит себя, то и не только профессионального, – в его «структуре». Что ж, возможно, он и согласится, но не сразу, не сразу. Тут важно, с каких

позиций... нет, не суетиться – с холодной головой, по шажку, но и с достоинством, да, с достоинством... Не зря же

королевицу Елисею

– так она надписала ему сборник. Он еще подумал, шутка. И сунул в стол...

Она! входит!..

Нет... только куртка похожа. Стыдно так ошибаться. Надо собраться, успокоиться, что он как мальчишка.

Рыжий заходил взад-вперед, оглядываясь на стеклянные двери, то и дело разъезжавшиеся перед посетителями.

и в этом немом напряженье... и в этом немом напряженье...

Да, с этих строчек и началось... Ящик до конца не выдвигался, он сунул руку поглубже, выгребая хлам, какая-то брошюрка застряла, вытянул, зацепив ногтями, – обложка и первые страницы смялись, и эти строчки попали на глаза...

И в этом немом напряженье,
так странно созвучное мне,
томящее душу движенье
рождается в их глубине...

Это про облака.

Чем-то зацепили эти строчки. Да, с них и началось... Или с ее портретика?.. Фотка тоже помялась и была не слишком умело обработана (уж он бы отфотошопил получше), – но глаза... взгляд... и вообще... Как она могла показаться ему невзрачной – там, в Союзе писателей!

И дальше, дальше...

И мука нездешнего знания
не в силах сойти с языка,
и нехотя гаснет сознание,
и тянется к небу рука.

Читал всю ночь. Смотрел на фотку, заново узнавая. И уже чудилось в ее взгляде такое знание – то самое, нездешнее... И лицо ее словно придвигалось, будто глядела она прямо на него... нет – вглубь... Отводил глаза, опять смотрел.

И на работе думал. Нашарил в сети презентацию в районной библиотеке. Решался.

Она представляла тот же сборник, что уже был у него. Он купил второй экземпляр и подошел за автографом. Он был как в тумане. Протягивая книжку, не знал, что ответит, если она узнает его и спросит, зачем ему второй автограф на том же сборнике? Или не узнает и спросит, кому надписать? Она узнала. «Королевич!» – задержала в его экземпляр в руке и, вдруг улыбнувшись, отложила в сторону, принялась подписывать другим читателям. Он топтался у стола, мешая остальным, она в промежутке между автографами поднимала взгляд и подкармливала его улыбкой. Вышли с какими-то ее знакомыми, знакомые рассеялись, и они остались вдвоем.

С тех пор они постоянно вдвоем, даже если порознь. Так он чувствует. Так и должно быть, всегда.

королевич Елисей

Пришлось освежить в памяти – там, у Пушкина, он спящую царевну разбудил. А тут, выходит, она его разбудила.

царевна Евгения

Никакая она не спящая, это он спал. *Самое трудное – проснуться.* Кто это сказал? Игнатий?.. В топку, в топку – вычеркнуто и забыто, как сон. Он так решил. Женя его разбудила, открыла глаза. Он ясно видит цель. Не деньги, не карьеру – то есть, конечно, это само собой – быть независимым, крепко стоять на ногах и все такое, но это не главное, это так, средство.

Женя...

Почти жена...

И сегодня он ей скажет...

Она согласится, согласится. Сколько у нее поклонников, почитателей, но она выбрала его. После того, что произошло между ними вчера... какое еще ему нужно подтверждение! Удачно, что хозяйка уехала к дочке на праздники. Это было... не объяснить. Можно сказать, она и здесь его разбудила. Ну, вообще-то у него имелся кое-какой опыт – не мальчик, да, но... и сравнивать неловко. Как она потом сказала? «Я каждую молекулу в воздухе видела, каждый атом – они светились... Каждая клеточка – в тебе, в нас». Он еще подумал, что где-то слышал похожее... неважно.

Она согласится.

Идет!..

Что за прутики у нее в руке? Черт, какой же он тупица! торчит у цветочного павильона и даже букетик не догадался! В такой-то момент!

– Прости, опоздала. – Она чмокнула его в щеку и подсунула веточки к носу. Сквозь запах ее духов пробилась посторонняя нотка, пьянящая... печальная и светлая одновременно. – У нас возле дома авария на теплотрассе, который день чинят. Только заделают, и опять – кипятик хлещет, горячая лужа парит, туман, как в бане. И тополь рядом – смотри, почки набивает... обманули, бедного. Так мне его жалко стало, что зря старается, я и сорвала пару веточек, еле подобралась, ноги, кажется, промочила... Надо в воду поставить. Уже пахнут, слышишь?

Она опять поднесла ветки к его лицу, и он узнал этот запах.

Это было как мгновенное головокружение – бесплотное дуновение из другого мира, от которого в сердце занялась теплая дрожь и хотелось счастливо заплакать, вдохнуть и выдохнуть... Оборвалось.

Она отвела ветки от его лица, зажмурилась, вдыхая сама.

– Странно, да? среди зимы... словно что-то нездешнее, неземное... – Она открыла глаза, и ему показалось, что воздух вокруг потускнел, словно их накрыла лесная тень. Силуэт девушки утратил четкость и колыхался, будто на неощутимом ветерке, сливаясь с дрожью померкшей листвы. Ее глаза сияли, как просветы в кронах, юные черты размывались в этом сиянии, и сквозь них проступало лицо – иное, бесконечно далекое.

– Тебе никогда не хотелось, – ее голос пробивался сквозь видение, – ...оказаться где-то не здесь, не сейчас... не собой...

В телевизоре мелькнуло фото знакомого лица, Божен дернулся за пультом.

– ...отметить новогодние праздники в экстремальных условиях. Решение было опрометчивым, поскольку они не владели навыками выживания в зимнем лесу и не подготовились должным образом – к такому выводу пришли сотрудники МЧС, изучив вещи, обнаруженные

в палатке. Об этом, в частности, говорит отсутствие теплоизоляционных ковриков как необходимого дополнения к спальным мешкам в зимнее время, а также каких-либо обогревательных приборов. Выбор места, по всей видимости, носил случайный характер, и по незнанию молодые люди остановились на границе протяженного болотного массива, пользующегося недоброй славой у местных жителей. Пройдя пять километров через лес на снегоступах, они поставили на опушке палатку, однако в ней не ночевали: спальные мешки не расчехлены, небольшой запас продуктов почти нетронут. Нет и следов костра. Вероятно, добравшись до места, неопытные туристы решили осмотреть окрестности и заблудились в начавшейся метели. К сожалению, учитывая, что в болоте имеются окна, не промерзающие даже зимой, спасатели не могут исключить и трагический сценарий. Поиски продолжают-ся. Далее, после короткой рекламы...

Божен пригасил звук. Осторожно, боком, прилег на диване, прикрыл глаза. Значит, Рыжий решился.

Что ж, и ему пора. Но в болото он не полезет.

Он ходил с экскурсией по стенам кремля и все продумал. Северная башня подойдет лучшего всего. Там, с высоты, потрясающие виды на Волгу и Оку. Чуть отстать, выбрать момент, протиснуться в бойницу... Главное, оттолкнуться посильнее: там внизу, под стеной, пешеходная дорожка, перескочить ее, не задеть ногами за кромку, а дальше сразу крутой склон, он сможет набрать скорость и взлететь.

Вчера он совсем собрался, взял билет на экскурсию, и не пошел. Подумалось: вдруг он замешкается в узкой бойнице, зацепится крылом, не сможет их раскрыть сразу. Тут нужна полная уверенность.

Сегодня тренировался весь день: резко расправлял и складывал крылья, шаркая по стенам тесной квартирki. Сейчас он уверен, он чувствует их силу.

Да, уверен.

Завтра. Завтра...

Ему снилось, что он летит.